

Мир ОБОРОТНЕЙ

A movie poster for 'The World of Werewolves' (Мир Оборотней). The central figure is Lana Del Rey, dressed in a black, gothic-style corset with lace and corset lacing. She is flanked by two large, hairy werewolves with glowing yellow eyes. The background is a dark, gothic cityscape at night, featuring a large full moon and a clock tower. The title 'Мир ОБОРОТНЕЙ' is written in a large, stylized, metallic font at the top. Below the title is a decorative flourish with a crescent moon and three red claw marks. At the bottom, the name 'Лана Вейр' is written in a similar stylized font, also with a decorative flourish below it. Red roses and thorns are visible in the foreground and background.

Лана Вейр

Лана Вейр

Мир оборотней

«Автор»

2026

Вейр Л.

Мир оборотней / Л. Вейр — «Автор», 2026

Она знала его судьбу. Его характер. Его тайны. Потому что когда-то он был всего лишь героем любимой книги. Алёна читала «Мир оборотней» десятки раз — историю о войне между древними кланами, запретной любви и девушке, которой суждено остановить столетний конфликт между оборотнями и вампирами. Она не ожидала, что однажды проснётся внутри этой истории. Теперь у неё чужое лицо, чужая жизнь и дар видеть будущее всего на пятнадцать минут вперёд. Но самое опасное — Ролланд Эшкрофт. Оборотень, которого она считала выдуманным персонажем, оказался настоящим. Живым. Опасным. И слишком притягательным. Алёна знает, какие события должны произойти. Знает, кто предаст. Знает, кто погибнет. Но книга начинает меняться. А вместе с ней меняется и Ролланд. Чтобы вернуться домой, Алёне придётся разрушить сюжет, которому она доверяла, раскрыть тайну создателей этого мира и решить, что страшнее: остаться пленницей книги или потерять мужчину, которого никогда не должно было существовать.

© Вейр Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Монетка	5
Глава 2. Эвелин Харт	7
Глава 3. Ролланд	11
Глава 4. Первая сломанная сцена	16
Глава 5. Пятнадцать минут	21
Глава 6. Цена фантазии	24
Глава 7. Рынок под дождём	29
Глава 8. Канон не работает	37
Глава 9. Мара должна умереть	42
Глава 10. Вампир, который не должен помогать	47
Глава 11. Две лжи	53
Глава 12. Чужая жизнь	60
Глава 13. Совет стаи	65
Глава 14. Элиас Грей	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лана Вейр

Мир оборотней

Глава 1. Монетка

Алёна любила эту книгу не так, как любят хорошие книги.

Хорошие книги она читала один раз, иногда два, ставила на полку и потом годами помнила отдельные сцены. «Мир оборотней» был другой историей. Его она перечитывала бессознательно часто, как возвращаются к старому разговору, в котором собеседник однажды сказал именно то, что нужно, а потом всю жизнь хочется проверить, не показалось ли.

К двадцати пяти годам Алёна знала роман почти неприлично подробно.

Знала, что в третьей главе Эвелин Харт впервые увидит Ролланда Эшкрофта под дождём возле разрушенной часовни. Знала, что Адриан Вэйл в восьмой главе соврёт про письмо, которого у него никогда не было. Знала, что Мара погибнет в карете, хотя уже на втором перечитывании Алёна поняла, что автор вполне могла её спасти. Знала, какой рукой Ролланд держал нож, когда нервничал, где у него шрам и почему он ненавидит запах груш.

Этим вечером она сидела на краю старого фонтана в парке и читала с телефона сцену, где Эвелин опять отказывалась признать очевидное.

— Да скажи ты ему уже, — пробормотала Алёна.

Мимо прошёл мужчина с собакой. Собака посмотрела на неё с интересом. Мужчина — с осторожностью.

Алёна выключила экран.

Был конец октября. Парк почти опустел, фонари зажглись раньше обычного, сырость цеплялась за воротник пальто. Фонтан давно отключили на зиму, но в чаше осталась тёмная вода, листья и несколько монеток.

На работе был очередной день, который можно было бы вырезать из жизни, и никто не заметил бы пропажи. Утром правки чужого текста. Днём созвон, где трое людей полчаса обсуждали формулировку письма, которое в итоге никто не отправил. Вечером магазин, парк, книга.

Дома её ждали остывшая паста, полусохший базилик на подоконнике и ноутбук, который она обещала себе не открывать после девяти.

Она уже собиралась уходить, когда заметила на дне фонтана крупную медную монету. Та была чужой — ни рубль, ни евро, вообще ничего знакомого. На одной стороне проступал рисунок, похожий на циферблат без стрелок.

Алёна наклонилась.

Монета лежала слишком глубоко, чтобы дотянуться рукой.

— Красиво, — сказала она неизвестно кому.

Порывшись в кармане, нашла десятирублёвую.

— Ладно. Раз уж вечер глупостей.

Монетка легла на большой палец.

Желание пришло раньше, чем она успела придумать что-нибудь разумное.

Не «хочу денег».

Не «хочу нормальные отношения».

Не «хочу отпуск».

Алёна усмехнулась и бросила монетку.

— Хочу попасть в «Мир оборотней».

Десять рублей ударились о воду и исчезли рядом с медным кругляшом.

Несколько секунд ничего не происходило.

— Вот и вся магия.

Она поднялась и пошла домой.

В подъезде опять не горела лампочка между третьим и четвёртым этажом. Соседка сверху ругалась с кем-то по телефону. На лестничной площадке пахло жареным луком. Алёна разулась, включила чайник, автоматически открыла ноутбук, автоматически закрыла его и всё-таки подогрела пасту.

До полуночи она читала.

Не потому, что глава была особенно интересной. Просто не хотелось ложиться. В книге как раз начиналась та часть, где старый Лондон становился почти отдельным персонажем: мокрая мостовая, экипажи, газовые фонари с лиловым магическим пламенем, шпили домов, над которыми по ночам были оборотни.

Эвелин возвращалась домой, не зная, что через три дня встретит Ролланда.

Алёна знала.

И именно поэтому этот мир казался безопасным. Даже когда персонажи умирали, Алёна знала заранее. Даже когда Ролланд делал что-нибудь ужасно самоуверенное, она знала, что дальше. Даже когда война разрасталась до края катастрофы, существовала последняя глава.

В жизни последней главы никто не показывал.

Телефон выпал из руки уже после двух.

Алёна проснулась на мгновение от странного звука.

Колокол.

Один удар.

Потом второй.

Она приподняла голову.

В квартире было темно. За окном молчал её обычный двор. Колоколен поблизости не было.

Третий удар.

Алёна решила, что звук ей снится, и снова закрыла глаза.

Четвёртый.

Пятый.

К девятому ей показалось, что стены комнаты стали холоднее.

К двенадцатому запахло дождём.

Потом всё исчезло.

* * *

Утром Алёна проснулась от того, что ей мешала подушка.

Она была слишком жёсткой.

Алёна перевернулась на другой бок, натянула одеяло выше и несколько секунд пыталась понять, почему простыня холодная и почему за окном гремят колёса.

Потом открыла глаза.

Потолок был чужим. Эта простая мысль пришла первой — раньше страха, раньше вопросов.

Высокий, белый, с тонкой трещиной у лепнины.

Алёна медленно села.

Комната тоже была не её.

На стене висел тёмно-зелёный гобелен. У окна стояло кресло на изогнутых ножках. На тумбе — серебряный кувшин и стеклянный стакан.

У окна справа отсутствовал один фрагмент витража.

Алёна смотрела на него слишком долго.

Она знала это окно.

Глава 2. Эвелин Харт

К витражу она подошла босиком.

Пол оказался ледяным: широкие доски, тёмные от времени. В стекле была трещина, похожая на молнию.

«У окна в спальне Эвелин не доставало синего кусочка витража, потому что прежний хозяин дома однажды выстрелил в голубя и промахнулся».

Алёна помнила эту дурацкую деталь. Она даже спорила о ней в комментариях с читательницей, которая уверяла, что выстрел был не в голубя, а в ворона.

— Нет, — сказала Алёна.

Голос прозвучал чужим.

Она замерла.

В зеркале напротив шкафа отражалась молодая женщина в длинной белой сорочке.

Тёмные волосы до ключиц. Серые глаза. Острый подбородок. Родинка у левого виска.

Алёна подошла ближе.

Женщина в зеркале тоже.

— Нет.

Она подняла руку.

Эвелин Харт подняла руку.

Алёна коснулась щеки.

Кожа была настоящей.

Холодной.

Пульс под пальцами — тоже.

Она резко отвернулась и едва не врезалась в стол.

На столе лежало письмо.

Алёна схватила его.

«Мисс Харт».

Почерк знакомый. В романе письма воспроизводились в виде иллюстраций.

Конверт был запечатан гербом дома Фенвик.

События начинались здесь.

Алёна закрыла глаза.

Дышать стало трудно.

Она вспомнила фонтан.

Монетку.

Желание.

— Этого не бывает.

Рядом звякнул стакан.

На секунду комната исчезла.

Вместо неё Алёна увидела последовательность коротких, до невозможности ясных событий.

Дверь откроется.

Войдёт девушка в сером платье с подносом.

Споткнётся о край ковра.

Серебряная ложка упадёт на пол.

За окном проедет чёрная карета.

Кто-то крикнет на улице.

Стакан на столе перевернётся.

Картина оборвалась.

Алёна стояла, вцепившись пальцами в край стола.
За дверью послышались шаги.
Она повернулась.
Дверь открылась.
Вошла девушка в сером платье.
— Доброе утро, мисс Харт. Я принесла...
Она споткнулась.
Поднос качнулся.
Серебряная ложка ударилась о доски.
Алёна не двигалась.
За окном прогрохотала чёрная карета.
С улицы кто-то крикнул:
— С дороги!
Девушка поставила поднос и задела локтем стакан.
Алёна поймала его прежде, чем тот упал.
Служанка замерла.
— Мисс?
Алёна поставила стакан.
— Какое сегодня число?
— Двадцать первое октября.
Год она спросить не решилась.
Это было не нужно.
Двадцать первое.
До встречи Эвелин и Ролланда — три дня.
До убийства курьера Ночного Двора — меньше суток.
До гибели Мары — девять дней.
Алёна села на край кровати.
Служанка всё ещё смотрела на неё.
— Вы хорошо себя чувствуете?
Нет.
— Да.
— Приказать принести завтрак?
— Да.
Девушка подобрала ложку и вышла.
Алёна дождалась, пока дверь закроется.
Потом подошла к окну.
За стеклом был Лондон.
Не тот, который она видела на фотографиях.
Серый, тесный, мокрый. Крыши тонули в тумане. Над улицами торчали трубы, шпили, башни. По мостовой двигались экипажи. На углу горел фонарь с лиловым огнём.
А дальше, за домами, поднималась Часовая башня.
Только циферблат был другим.
У него не было стрелок.
Алёна прижала ладони к подоконнику.
Ей хотелось закричать.
И хотелось смеяться.
И ещё — это пришло абсолютно не вовремя — она вспомнила Ролланда.
Настоящего.
Где-то здесь.

Не напечатанного на странице.
Не нарисованного на обложке.
Живого.

Алёна закрыла лицо руками.

— Нет.

— Нет, я не могу сначала думать об этом.

Ещё пауза.

Она опустила руки.

— Хотя...

В оригинале сегодня Ролланд должен был находиться в «Серой Луне».

Об этом рассказывала Мара значительно позже.

Закрытый клуб в Уайтчепеле.

Вход только для оборотней и приглашённых.

Пароль: «Луна помнит кровь».

Алёна смотрела на город.

Война длилась сто лет.

Через несколько недель погибнет несколько сотен человек.

У Эвелин была способность видеть будущее.

Алёна знала сюжет.

Логично было немедленно заняться спасением мира.

Но логика в это утро конкурировала с тем фактом, что Алёна годами читала о мужчине, который сейчас находился всего в нескольких милях.

Она посмотрела на зеркало.

Эвелин Харт смотрела в ответ.

— Один час, — сказала Алёна. — Потом спасаем мир.

Разумеется, всё заняло дольше.

Сначала пришлось выяснить, какие вещи принадлежат Эвелин и как их вообще надевают. Алёна дважды позвала служанку, которую, как оказалось, звали Нора, и оба раза делала вид, что просто плохо спала.

Потом нашла в ящике деньги.

Старинные фунты в ладони выглядели тяжелее, чем на иллюстрациях.

Потом обнаружила документы Эвелин, адрес дома, короткую записку от нотариуса и медицинскую квитанцию, о которой в книге никогда не упоминалось.

К полудню первоначальный восторг стал тише.

Чужая жизнь была не декорацией.

У Эвелин были счета.

Служанка.

Одежда, которую кто-то выбирал.

Книга на прикроватной тумбе с заломанным уголком.

Письмо от человека, которого Алёна не помнила.

В какой-то момент ей стало страшно не из-за того, что она попала в роман, а из-за другого вопроса.

Где Эвелин?

Если Алёна сейчас в её теле — что случилось с настоящей хозяйкой?

Она заставила себя не думать.

Пока.

Это слово оказалось удобным.

До вечера она проверила ещё две вещи.

Дар действительно существовал.

И боль существовала тоже.

После второго намеренного взгляда вперёд у неё заболела голова, будто она слишком долго смотрела на яркий экран.

В книге об этом почти не говорилось.

«Конечно, — подумала Алёна. — Потому что читателю неинтересно, как героиню тошнит после магии».

Она нашла карту Лондона.

«Серая Луна» находилась там, где и должна.

К шести Алёна уже стояла перед зеркалом в тёмно-синем платье, поверх которого надела пальто.

В отражении была Эвелин.

Но смотрела Алёна.

Это ощущалось неправильно.

И всё равно она вышла из дома.

Глава 3. Ролланд

К «Серой Луне» Алёна приехала затемно.

Экипаж остановился у кирпичного здания без вывески.

Снаружи клуб выглядел как склад: два окна, железная дверь, мужчина у входа.

Алёна расплатилась, спустилась на мокрую мостовую и несколько секунд просто стояла.

Сердце колотилось не от романтики.

Теперь ей наконец стало страшно.

Она действительно собиралась войти к существам, которые могли отличить человека от оборотня по запаху, назвать пароль из будущей главы и найти мужчину, которого никогда не встречала.

Всё это ради желания, которое в собственной квартире казалось смешной фантазией.

— Поздно уметь, — пробормотала она.

Охранник скользнул взглядом по её пальто, перчаткам, лицу.

— Закрыто.

— Луна помнит кровь.

Его выражение не изменилось.

Только ноздри едва заметно дрогнули.

— Кто вам дал слова?

Алёна заранее придумала пять ответов.

Ни один не понравился.

— Человек, который не хотел, чтобы я называла его имя.

— Тогда возвращайтесь к нему.

— Он мёртв.

Это было глупо.

Но сработало.

Охранник смотрел ещё пару секунд, потом открыл дверь.

Внутри пахло табаком, влажной шерстью, алкоголем и чем-то металлическим.

Алёна ожидала роскошный клуб из экранизации, которой никогда не существовало. На самом деле помещение оказалось теснее. Тёмное дерево, низкий потолок, столы, мужчины и женщины, почти все слишком внимательные.

Разговоры стихли не полностью.

Но достаточно.

Алёна почувствовала себя человеком, случайно вошедшим в комнату, где все знают друг друга и способны определить чужака по дыханию.

В книге объяснялось: оборотни различают запах страха.

Прекрасно.

Она сняла перчатки, чтобы занять руки.

Ролланда она увидела сразу. Отчасти потому, что он был самым красивым в комнате, хотя дело было не только в этом.

Он сидел у дальней стены, спиной к окну. Тёмные волосы короче, чем на иллюстрациях. Серое пальто лежало рядом. Белая рубашка расстёгнута у горла. Правая рука на столе.

Шрам на костяшке.

Алёна уставилась.

Ролланд поднял голову.

И посмотрел прямо на неё.

С экрана телефона это никогда не выглядело настолько неудобно.

В книге его глаза были описаны «цветом зимнего неба».

В жизни они оказались просто светло-серыми.
И очень недовольными.
Алёна подошла.
Он дождался, пока она остановится напротив.
— Вы потерялись?
Голос тоже был не таким.
Ниже.
Спокойнее.
— Возможно.
— Вы не оборотень.
— Нет.
— И вас никто не приглашал.
— Тоже нет.
Рядом за столом кто-то тихо рассмеялся.
Ролланд не отвёл взгляд.
— Тогда повторю вопрос. Вы потерялись?
Алёна могла назвать своё имя.
Могла предупредить об убийстве курьера.
Могла рассказать о войне.
Вместо этого сказала:
— Вы Ролланд Эшкрофт.
Уголок его рта едва двинулся — ещё не улыбка.
— Это не тайна.
— Для меня долгое время было почти тайной всё остальное.
Вот теперь он нахмурился.
Алёна почувствовала, что несёт чушь.
Хуже: знала и не могла остановиться.
— Мисс...
— Эвелин.
Имя далось странно.
— Эвелин Харт.
Ролланд откинулся на спинку стула.
— Я должен вас знать?
— Нет.
— Но вы знаете меня.
— Да.
— Насколько хорошо?
Алёна посмотрела на его руку.
— Достаточно.
Это прозвучало ровно настолько вызывающе, насколько она хотела.
Ролланд медленно убрал руку со стола.
— Садитесь.
— Я не хочу сидеть.
— Что же вы хотите?
Вот оно.
В книгах на такие вопросы героини обычно отвечали остроумно.
Алёна не нашла ничего остроумного.
И решила сказать правду.
— Вас.

Соседний стол замолчал.

Ролланд несколько секунд смотрел на неё так, будто проверял, не шутит ли.

— Простите?

— Я сказала достаточно ясно.

— Да. Именно поэтому и переспросил.

Алёна почувствовала, как уши становятся горячими.

Отступить сейчас было бы разумно.

Но она слишком долго представляла эту невозможную ситуацию, чтобы в первый же момент испугаться собственной смелости.

— Если вы не хотите, я уйду.

Ролланд встал.

Он оказался выше, чем она представляла.

— Вы вошли в закрытый клуб, назвали пароль, который не должны знать, подошли ко мне и предложили себя.

— Не «предложила себя».

— Нет?

— Предложила провести ночь.

Ролланд посмотрел на неё сверху вниз.

— Огромная разница.

— Для меня — да.

Несколько секунд он молчал.

Потом взял пальто.

— Идёмте.

* * *

Алёна не запомнила дорогу.

Экипаж остановился у дома в переулке. Внутри было темно, тихо и неожиданно просто.

Ролланд закрыл дверь.

— Последний шанс уйти.

Алёна расстегнула пальто.

— Я не передумала.

— Вы меня не знаете.

«Знаю, что ты в девятнадцать сломал брату нос. Знаю, что ненавидишь груши. Знаю, что после смерти матери три месяца спал в библиотеке, потому что не мог заходить в её комнату».

Она не сказала ничего.

Потому что внезапно поняла: знание текста и знание человека — разные вещи.

— Тогда скажите, что мне нужно знать сейчас.

Он задержал на ней взгляд.

— Что вы можете остановить меня в любой момент.

— Хорошо.

— Словом или просто оттолкнув.

— Хорошо.

— И если я спрашиваю, отвечаете честно.

Алёна кивнула.

— Это относится к вам тоже.

Ролланд впервые улыбнулся.

Коротко.

— Смело.

— Я пришла сюда не за вежливостью.

— Я заметил.

Он подошёл ближе, но не коснулся.

И это почему-то оказалось сильнее, чем если бы сразу обнял.

— Что именно вы хотите?

Алёна ответила.

Без книжных оборотов.

Без попытки казаться опытнее или бесстрашнее, чем была.

Ролланд переспросил одну деталь.

Она уточнила.

Он сразу обозначил границу, которую не собирался переходить.

Алёна согласилась.

Потом всё стало проще — не романтичнее, зато честнее.

Близость оказалась совсем не похожей на то, что Алёна годами дорисовывала между строк романа. Настоящее сопротивлялось заранее написанному сценарию. Ролланд спрашивал, когда она ожидала, что он угадает. Останавливался там, где фантазия обязана была продолжаться. Иногда раздражался на её попытку сделать вид, будто она не нервничает.

В этом была та самая жёсткость, которой она хотела, но не жестокость. Он не позволял её словам терять смысл только потому, что момент стал горячее. Если Алёна просила сильнее — он убеждался, что она действительно этого хочет. Если она замолкала не от удовольствия, а от неожиданности, он замечал.

Именно это разрушало выдуманный образ быстрее всего. Ролланд не угадывал её желания безошибочно: он спрашивал, мог ошибиться и тут же остановиться. Вместо идеального героя тёмной романтики рядом оказался живой человек — сильный, самоуверенный, временами резкий и неожиданно внимательный к простым словам.

После близости Алёна лежала в темноте, натянув простыню до груди, и чувствовала себя одновременно счастливой и ужасно глупой.

Она получила именно то, чего хотела.

И уже не могла сказать, что её прежнее желание было правильным.

Ролланд провёл пальцем по её плечу.

— Я оставил след.

Алёна повернула голову.

— Какой?

— Укус.

Она приподнялась.

— Что?

— Вы не заметили?

— Заметила. Я не знала, что он... что-то значит.

Ролланд сел.

Тишина стала другой.

— Что именно вы не знали?

Алёна смотрела на его лицо.

В книге метки подробно объяснялись только ближе к середине.

Полноценная метка пары наносилась иначе. Но след укуса на плече обозначал признанную физическую близость и для оборотней был далеко не пустяком, особенно если речь шла о наследнике стаи.

— Чёрт.

— Эвелин.

— Это сложнее объяснить.

— Тогда начните с простого. Кто вы?

Она посмотрела на него.

Правда была невозможна.

— Эвелин Харт.

— Этого мало.

— Больше пока не могу.

Ролланд встал.

Алёна увидела резкое движение прежде, чем оно случилось.

Комната исчезла.

Через несколько секунд он подойдёт.

Спросит снова.

Она промолчит.

Он поставит ладонь на стену рядом с её головой, не касаясь её.

Скажет:

«Вы шпионка?»

Потом постучат в дверь.

Человек снаружи принесёт срочное сообщение: курьер Ночного Двора вышел на маршрут, а возле его пути заметили подозрительных людей.

Видение оборвалось.

Алёна моргнула.

Ролланд ещё стоял у кровати.

У неё было меньше пятнадцати минут.

Она вскочила.

— Мне нужно идти.

— Сейчас?

— Да.

— Нет.

— Это был не вопрос.

Она одевалась слишком быстро.

Ролланд смотрел.

— Вы пришли сюда сами.

— И сама ухожу.

— Кто вы?

Алёна застегнула пальто.

— Я вернусь.

— Это не ответ.

— Знаю.

Она открыла дверь.

— Эвелин.

Алёна обернулась.

Он стоял в полутьме спальни — не герой и не фантазия, а злой живой мужчина, которого она только что использовала как исполнение давнего желания и которому теперь ничего не могла объяснить.

— Если вы солгали мне о чём-то опасном, — сказал Ролланд, — я узнаю.

Алёна кивнула.

— Да.

И ушла за семь минут до того, как в дверь должны были постучать.

Глава 4. Первая сломанная сцена

Убийство курьера Ночного Двора должно было произойти в одиннадцать сорок.

Алёна знала улицу.

Знала, в каком переулке мужчина свернёт.

Знала, что убийца будет ждать у стены табачной лавки.

В книге эта сцена занимала меньше двух страниц.

Курьер Ночного Двора по имени Виктор Сейн нёс письмо. Его убивали. Письмо исчезало. Вампиры обвиняли оборотней. Спустя несколько глав выяснялось, что убийца действовал по приказу радикала из Серой Стаи. Ещё позже становилось ясно: приказ подделан.

Алёна помнила даже фразу, которой заканчивалась глава.

«Лондон снова почувствовал запах войны».

Тогда она считала её красивой.

Сейчас, стоя под дождём возле закрытой пекарни, решила, что фраза дурацкая.

Лондон пах мокрым углём, лошадьми, канализацией и горячим хлебом, который ещё держался в стенах после закрытия.

До одиннадцати сорока оставалось шесть минут.

Алёна сунула руки глубже в карманы пальто.

В левом лежала записка Ролланда, которую он всё-таки успел прислать к её дому до того, как она уехала.

Три слова.

«Мы не закончили».

Она бы посмеялась, если бы не собиралась предотвращать убийство.

Четыре минуты.

Алёна выглянула из-под навеса.

Переулок был пуст.

В книге убийца появлялся справа.

Стоял возле табачной лавки, притворяясь пьяным.

Никакого пьяного не было.

— Отлично.

Она активировала дар.

Мир дрогнул без предупреждения.

Дождь на мгновение остановился в воздухе, затем всё вокруг стало чуть серее, будто она смотрела через грязное стекло.

Виктор Сейн появится на углу.

Тёмный плащ.

Папка под мышкой.

Он свернёт к переулку.

Алёна выйдет из-под навеса.

Позовёт его.

Он обернётся.

Слева мелькнёт движение.

Слева.

Не справа.

Мужчина в коротком плаще выскочит из прохода между домами.

Нож.

Алёна толкнёт Виктора.

Крик.

Выстрел.
Видение оборвалось.
Алёна едва не упала.
Она схватилась за стену.
— Нет.
В книге убийца был справа.
По всем причинам он должен был быть справа.
Это было первое серьёзное отклонение после её появления.
До сих пор она позволяла себе думать, что мир будет терпеливо ждать, пока она вернёт
события на место.
Не будет.
Из-за клуба?
Из-за Ролланда?
Из-за того, что она пришла сюда?
Она перебежала улицу.
Виктор показался на углу.
Точно вовремя.
Высокий, худой, рыжеволосый.
В книге цвет его волос не упоминался.
От этой мелочи стало жутко.
Алёна двинулась навстречу.
— Мистер Сейн!
Он остановился.
Вампир.
Она поняла это только вблизи. Кожа чуть бледнее человеческой, движения спокойные,
взгляд очень внимательный.
— Мы знакомы?
— Нет. Не идите в переулок.
— Простите?
— Вас хотят убить.
Виктор не испугался.
Его рука скользнула под плащ.
Слева мелькнуло движение.
— Ложитесь!
Алёна толкнула его.
Нож прошёл над плечом Виктора.
Он выругался и ударил нападавшего локтем.
Тот пошатнулся.
С улицы донёсся свист.
— Стоять!
Констебль.
Алёна его не помнила.
В книге его не было.
Нападавший отступил.
Виктор бросился к нему.
Алёна увидела пистолет.
— Нет!
Выстрел прозвучал слишком громко.
Констебль остановился.

Сделал ещё шаг.
Потом медленно сел на мостовую.
Нападавший побежал.
Виктор хотел броситься следом, но Алёна схватила его за рукав.
— Помогите!
— Он уйдёт.
— Человек умирает!
Это сработало.
Виктор опустился рядом с констеблем.
Алёна тоже.
На синей форме расплывалось тёмное пятно.
— Врача! — закричала она.
Окно над лавкой распахнулось.
Кто-то выглянул.
— Врача!
Констебль пытался вдохнуть.
Молодой.
Совсем молодой.
Не старше Алёны.
— Как вас зовут? — спросила она.
Он не ответил.
Виктор прижал ладонь к ране.
— Пуля вошла слишком высоко.
— Молчи.
— Мисс...
— Молчи и держи.
Она понимала, что срывается не на того. Злость на Виктора ничего не меняла.
Через две минуты прибежали люди.
Через пять — врач.
Через семь констебль перестал дышать.
Алёна сидела прямо на мокрой мостовой.
Дождь стекал за воротник.
Виктор стоял рядом.
— Вы спасли мне жизнь.
Она посмотрела на неподвижное тело.
— Нет.
— Он выстрелил бы в меня.
— А теперь выстрелил в него.
Виктор молчал.
— Как его звали?
Кто-то из прибывших констеблей ответил:
— Генри Уорд.
Алёна запомнила.
Не потому, что была уверена, будто это что-то исправит.
Просто человек не должен был оставаться «констеблем, которого в книге не было».
Генри Уорд.
Двадцать два года, как она выяснила позже.
Жена на последних неделях беременности.
Виктор помог Алёне встать.

На земле блеснул металл.
Маленькая шестерёнка.
Она подняла её.
На поверхности был выцарапан знакомый знак.
Циферблат.
Без стрелок.
Алёна почувствовала холод, который не имел отношения к дождю.
— Это ваше? — спросил Виктор.
— Нет.
— Вы его знаете?
Она перевернула шестерёнку.
Та была тёплой.
— Нет.
Это была первая ложь, которую она сказала вампиру.
И далеко не последняя.
* * *

Домой Алёна вернулась после двух ночи.
Нора ждала в прихожей.
— Мисс Харт!
— Не начинай.
— Вы промокли насквозь.
— Это я заметила.
— На вашем плече кровь.
Алёна остановилась.
Укус.
След укуса снова закровил: мокрая ткань натёрла кожу.
— Не моя.
Нора посмотрела на неё таким взглядом, что Алёна сразу поняла: плохая ложь.
— Ладно. Моя. Но не опасно.
— Вы хотите, чтобы я позвала врача?
— Нет.
— Полицию?
Алёна невесело усмехнулась.
— Уже поздно.
Нора помогла снять пальто.
На лестнице Алёна остановилась.
Ей вдруг захотелось спросить, какой была Эвелин.
Не в книге.
Здесь.
— Нора.
— Да?
— Я... сильно изменилась за последние дни?
Служанка нахмурилась.
— В каком смысле?
— В обычном.
— Вы всегда странная после видений.
— А кроме этого?
Нора подумала.
— Вы чаще разговариваете.

— Со мной раньше было сложно?

— Иногда.

— Спасибо.

— Я не хотела...

— Нет, правда. Спасибо.

В спальне Алёна положила шестерёнку на стол рядом с письмом Ролланда.

Надо было спать.

Вместо этого она открыла книгу расходов Эвелин, нашла чистую страницу и написала:

«Генри Уорд. 22 года».

Потом ниже:

«Если я меняю событие, последствия меняются тоже».

Ещё ниже:

«Канон больше не гарантия».

Она долго смотрела на последнюю строчку.

Потом приписала:

«И это началось в первый же день».

Глава 5. Пятнадцать минут

Утро Алёна провела, ставя чашки на стол.

Три чашки.

Ложка.

Свеча.

Часы.

Нора дважды заглядывала в комнату и на третий раз перестала спрашивать, зачем хозяйке понадобился странный натюрморт.

Если дар работал так, как было описано в романе, Алёна могла видеть будущее ровно на пятнадцать минут.

В книге способность Эвелин выглядела почти удобной.

Прекрасный сюжетный инструмент.

На практике оказалось, что пользоваться даром совсем не то же самое, что читать спойлеры.

Алёна села напротив чашек.

Закрыла глаза.

Ничего.

Попробовала представить, что хочет увидеть ближайшее будущее.

В висках появилось знакомое давление.

Комната исчезла.

Через несколько минут она возьмёт чашку слева.

Ложка упадёт.

Свеча погаснет.

Она откроет окно.

Видение закончилось.

Алёна не тронула левую чашку.

Села.

Стала ждать.

Ложка не упала.

Свеча продолжала гореть.

Окно осталось закрытым.

— Значит, меняется.

Она записала.

«Будущее вероятностное».

Попробовала снова.

На этот раз увидела Нору.

Девушка подойдёт к двери.

Постучит два раза.

Алёна не ответит.

Нора постучит ещё раз.

Алёна резко встала и сама открыла дверь.

Нора как раз поднимала руку.

— Мисс?

— Извини.

— За что?

— Ни за что.

Девушка посмотрела странно.

— Я принесла почту.

— Спасибо.

Алёна забрала конверты.

После третьей попытки её затошнило.

Она села.

Комната на секунду раздробилась.

В одной версии дверь была открыта.

В другой закрыта.

В третьей Нора стояла у окна, хотя настоящая Нора уже ушла.

Алёна зажмурилась.

Когда открыла глаза, всё снова стало обычным.

Она просидела неподвижно ещё минуту.

Потом написала:

«Три просмотра подряд — очень плохо».

Ниже:

«Не геройствовать».

Посмотрела.

Зачеркнула.

Написала:

«Геройствовать с перерывами».

Последняя строчка:

«Ролланд — отдельная проблема».

Будто в ответ на мысль в дверь постучали.

На этот раз Нора принесла конверт без печати.

Внутри была одна строка.

«Сегодня. Восемь вечера. Дом на Крейвен-стрит. Р. Э.»

Алёна положила письмо на стол.

— Разумеется.

Она собиралась отложить встречу.

У неё был мёртвый констебль, странная шестерёнка и знание о следующем нападении.

Но нападение как раз было связано с Серой Стаей.

Ролланд мог помочь.

Это был хороший рациональный аргумент.

Он никак не объяснял, почему Алёна трижды переодевалась перед выходом.

* * *

До вечера оставалось несколько часов.

Алёна решила потратить их не на сюжет, а на Эвелин — женщину, в чьём теле она проснулась.

В письменном столе нашлись счета, письма от адвоката, несколько приглашений и маленький ключ.

Ключ подошёл к нижнему ящику шкафа.

Там лежали старые письма.

Большинство — от матери Эвелин.

Кэтрин Харт.

В романе она умерла задолго до начала событий и появлялась только в двух воспоминаниях. Алёна помнила её как удобную трагическую фигуру: добрая мать, ранняя смерть, медальон в наследство.

Письма были другими.

«Эви, если снова заболят глаза, не пытайся смотреть. Мне всё равно, что говорит доктор Фаррелл. Дар не мышца, которую можно укреплять».

Алёна перечитала.

Следующее.

«Твои пятнадцать минут не делают тебя обязанной спасти всех».

Ещё.

«Гидеон обещал, что они не найдут нас».

Гидеон.

Гидеон Эшкрофт.

Отец Ролланда.

В книге Кэтрин и Гидеон якобы никогда не встречались.

Она быстро просмотрела остальные.

Некоторые письма были бытовыми.

Купить уголь.

Не забыть про день рождения тёти.

Надеть шарф.

Другие — странными.

«Если увидишь часы без стрелок — уходи».

Алёна медленно опустила бумагу.

На столе лежала шестерёнка с тем же символом.

Она взяла её.

Металл уже был холодным.

К восьми часам в голове было больше вопросов, чем утром.

И впервые за весь день мысль о Ролланде показалась самым простым из них.

Глава 6. Цена фантазии

Дом на Крейвен-стрит принадлежал Серой Стае.

Алёна знала это из приложения к роману, которое большинство читателей даже не открывали.

Поэтому, когда лакей провёл её через коридор, она слишком уверенно свернула направо. Ролланд заметил.

Конечно заметил.

— Я не говорил, где мой кабинет.

Алёна остановилась.

— Угадала.

— Вы часто угадываете?

— Иногда.

Ролланд стоял у окна.

Сегодня на нём был тёмный жилет, белая рубашка, никаких украшений. След царапины на шее, оставшейся с прошлой ночи, почти исчез.

Алёна посмотрела и тут же отвела глаза.

Он увидел.

— Жалеете?

— Нет.

— Лжёте.

— Не об этом.

Ролланд указал на кресло.

Она села.

На столе лежала карта восточного Лондона.

— Сегодня ночью будет нападение, — сказал он.

Алёна напряглась.

— Где?

— Вы должны знать.

— Я не знаю всё.

— Вчера вы знали достаточно, чтобы уйти за семь минут до того, как мне принесли срочное сообщение о курьере Ночного Двора.

Алёна молчала.

— И курьер, кстати, жив.

— Да.

— Констебль — нет.

Она подняла взгляд.

— Вы знаете?

— Я знаю, что происходит в моём городе.

Это прозвучало почти как упрёк.

Алёна сжала пальцы.

— Я пыталась его спасти.

— Курьера?

— Всех.

— Не получилось.

— Спасибо, я заметила.

Ролланд несколько секунд смотрел на неё.

— Что вы видите?

— Будущее.

Он не засмеялся.

— Насколько далеко?

— Пятнадцать минут.

— Всегда?

— Нет. Когда хочу.

— Покажите.

— Это не фокус.

— Тогда докажите.

Алёна закрыла глаза.

Через несколько секунд увидела:

Ролланд подойдёт к столу.

Возьмёт нож.

Перережет верёвку, удерживающую свёрнутую карту.

Потом откроет ящик.

Достанет часы.

Положит перед ней.

Спросит время.

Видение оборвалось.

— Вы сейчас возьмёте нож, — сказала Алёна. — Перережете верёвку на карте. Потом достанете часы и спросите меня, сколько времени.

Ролланд не двигался.

— Всё?

— Да.

Он подошёл к столу.

Взял нож.

Алёна почувствовала короткое удовлетворение.

Ролланд положил нож обратно.

— Нет.

— Что?

— Я передумал.

Он сел.

Будущее не сбылось.

— Вы специально.

— Значит, оно меняется.

— Да.

— И вы знали о курьере.

Алёна кивнула.

— Почему?

Вот здесь всё стало сложнее.

— Я знаю некоторые события заранее.

— Больше пятнадцати минут?

— Не через способность.

— Тогда как?

— Пока не могу сказать.

Ролланд медленно провёл большим пальцем по краю стола.

— Вчера вы пришли ко мне, потому что тоже знали заранее?

Алёна почувствовала, что краснеет.

— Это не связано.

- Для меня связано.
— Я знала, кто вы.
— И решили проверить?
Она посмотрела на него.
— Это звучит ужасно.
— Потому что звучит честно.
Алёна выдохнула.
— Я хотела вас очень давно.
Он не спросил, насколько давно.
Наверное, решил, что лучше не знать.
— Хорошо. Теперь о сегодняшней ночи. На рынке в Бетнал-Грин ожидается нападение вампиров.
Алёна знала эту сцену.
— Не вампиров.
— Что?
— По крайней мере не полностью.
Ролланд наклонился к столу.
— Продолжайте.
— Там будут люди под чарами. Два стрелка на крыше западного склада. Первый выстрел — в человека у винной лавки. Потом паника. Потом ваши решат, что напали вампиры.
— Откуда вы знаете?
— Я же сказала.
— Нет. Вы сказали достаточно, чтобы я пока вас не выгнал.
Алёна посмотрела на карту.
— Если я окажусь права?
— Тогда поговорим снова.
— И вы перестанете считать меня шпионкой?
— Я не говорил, что считаю.
— Вы думали.
— Возможно.
— Если я права, вы не передадите меня вашему отцу.
Ролланд усмехнулся.
— Вы и его знаете?
— К сожалению.
Улыбка исчезла.
— Осторожнее.
— Вот. Это тоже знаю.
— Что именно?
— Что вы защищаете его даже когда злитесь.
Ролланд замер.
Алёна поняла, что сказала лишнее.
— Эвелин.
— Да?
— Если ваши знания касаются моей семьи, однажды вы объясните, откуда они.
— Объясню.
— Когда?
— Когда пойму, как сделать это без того, чтобы вы решили, что я сумасшедшая.
— Пока вы вошли в закрытый клуб, предсказали убийство и знаете вещи, которых знать не должны.

Он встал.
— Планка уже невысока.
Алёна достала из сумки шестерёнку.
Положила на карту.
Ролланд не коснулся её.
— Нашла рядом с убийцей.
Он посмотрел.
— Это не знак вампиров.
— Знаю.
— Не знак стаи.
— Тоже знаю.
Ролланд поднял глаза.
— Откуда?
Она устало улыбнулась.
— Давайте считать, что у меня талант раздражать вас знаниями.
— Талант выдающийся.
Он взял шестерёнку.
На миг его лицо изменилось.
Совсем немного.
— Что?
— Ничего.
— Вы её видели.
— Нет.
— Ролланд.
— Вы слишком быстро стали называть меня по имени.
— После того, что было вчера, «мистер Эшкрофт» звучит глупо.
Он посмотрел на неё.
— Согласен.
Алёна почувствовала неловкость, которой не ожидала.
Вчера между ними не было близости в обычном смысле. Было желание, прямое и простое. Сегодня пришлось разговаривать.
Оказалось сложнее.
— Что означает этот знак?
— Старые часы.
— Очень полезно.
— Я видел его в детстве.
— Где?
— На документах отца.
Вот теперь Алёна перестала улыбаться.
— В книге этого не было.
— Что?
Она замерла.
Слишком поздно.
Ролланд медленно повернул голову.
— В какой книге?
— Я сказала «в книге»?
— Да.
— Имела в виду... в записях.
— Каких?

— Ролланд.
— Эвелин.
Они смотрели друг на друга.
Алёна первой отвела взгляд.
— Сегодня рынок. Потом объяснения.
Он явно хотел продолжить.
Но не стал.
— Хорошо.
Это «хорошо» означало не согласие.
Только отсрочку.
Когда Алёна поднялась, дверь кабинета открылась без стука.
Вошла женщина.
Мара.
Живая.
Совершенно не похожая на иллюстрацию.
Коротко стриженные тёмные волосы, длинное серое платье, кожаные перчатки в руке.
Она посмотрела на Ролланда.
Потом на Алёну.
Потом на след укуса над воротом.
Брови поднялись.
— О.
Алёна мысленно выругалась.
Ролланд сказал:
— Мара.
— Я ничего.
— Ты уже сказала.
— Я буквально сказала одну букву.
— Этого хватило.
Мара протянула Алёне руку.
— Мара Эшкрофт.
Алёна пожала протянутую руку.
— Эвелин Харт.
— Я знаю.
— Откуда?
Мара снова посмотрела на плечо.
— Теперь уже знаю.
Алёна мысленно выругалась.
Первая ночь продолжала менять сюжет.
И, судя по улыбке Мары, не собиралась останавливаться.

Глава 7. Рынок под дождём

Рынок в Бетнал-Грин оказался значительно грязнее, чем Алёна представляла.

Почему-то именно это задело её сильнее всего.

В книге место описывалось несколькими выразительными деталями: тёмные навесы, красные яблоки на прилавке, блеск дождя на брусчатке. На иллюстрации рынок выглядел почти уютным.

В действительности под ногами текла мутная вода. Между рядами темнел размокший навоз. Под навесами толкались десятки людей. Пахло сырым мясом, дымом, мокрой тканью, специями, хлебом и лошадьми.

Алёна старалась не думать, во что наступила у первого ряда.

— Ты уверена насчёт крыши?

Мара стояла рядом, застёгивая перчатки.

— Да.

— Насколько?

— Настолько, насколько вообще можно быть уверенной в будущем, которое меняется, если на него посмотреть.

Мара повернула голову.

— Удивительно успокаивающий ответ.

— Я стараюсь.

Ролланд подошёл сзади.

Алёна не услышала шагов.

Она резко обернулась.

— Не делай так.

— Как?

— Подкрадываться.

— Я шёл.

— Ты шёл как человек, который намеренно хочет доказать, что его не слышно.

— Это довольно длинное описание обычной ходьбы.

Мара кашлянула в кулак.

Алёна посмотрела на неё.

— Что?

— Ничего.

— У тебя лицо человека, у которого очень много «ничего».

— Я просто рада, что Ролланд наконец встретил женщину, которая говорит ему, что он ходит неправильно.

— Мара.

— Всё, молчу.

Она не замолчала.

Через десять секунд спросила:

— А след на плече тоже связан с походкой?

Алёна почувствовала, как нагреваются уши.

Ролланд произнёс очень спокойно:

— Я могу отправить тебя домой.

— Не можешь. Ты позвал меня работать.

— Передумал.

— Будущее меняется, — напомнила Мара Алёне.

Алёна засмеялась раньше, чем успела решить, можно ли.

Ролланд посмотрел на неё.

Несколько часов назад между ними был разговор, после которого любой нормальный человек несколько дней избегал бы другого.

Теперь они стояли на рынке и обсуждали стрелков.

Это было странно.

Но войне, очевидно, было безразлично, насколько им неловко.

— На крыше пока никого, — сказал Ролланд.

Алёна подняла глаза.

Западный склад возвышался над лавками. Черепичная крыша. Два слуховых окна.

— Будут.

— По тому, что ты знаешь, или по дару?

Он сказал «знаниям» особенным тоном.

После оговорки про книгу тема никуда не делась.

— По знаниям.

— Значит, может быть иначе.

— Да.

Ролланд не любил это слово.

Алёна уже заметила.

Не потому, что ему хотелось всегда быть правым. Он просто ненавидел строить планы на сведениях, которым нельзя доверять.

— Тогда смотри сейчас.

— Я смотрела утром.

— И?

— Ничего связанного с рынком.

— Насколько часто можешь использовать дар?

Алёна помедлила.

— Не знаю.

— Что происходит после?

— Головная боль.

— Только?

— Иногда тошнит.

— Только?

Она вздохнула.

— После трёх подряд я на секунду увидела несколько вариантов комнаты одновременно.

Ролланд повернулся к ней всем корпусом.

— И ты решила сообщить об этом сейчас?

— Ты не спрашивал.

— Эвелин.

— Не начинай.

— Я ещё не начал.

Мара встала между ними.

— Отлично. Тогда пока никто не начал, я пойду к северному входу. Вы двое можете продолжить брачную ссору после того как нас перестанут пытаться убить.

— Это не брачная ссора, — сказала Алёна.

— Конечно.

Мара ушла.

Ролланд посмотрел ей вслед.

— Я действительно могу отправить её домой.

— Не можешь. Она права.

— В чём?
— В том, что сейчас не время.
Он сжал губы.
— Хорошо. Один просмотр.
— Не командуй.
— Один. Если после него плохо — говоришь.
— Я и без тебя...
— Говоришь.
Алёна хотела возразить.
Потом вспомнила, как утром несколько секунд не могла понять, какая дверь настоящая.
— Хорошо.
Она прислонилась плечом к деревянной стойке.
Закрыла глаза.
Сначала ничего не было.
Потом шум рынка вытянулся в одну длинную ноту.
Время сдвинулось.
Она увидела мужчину в сером пальто.
Он подойдёт к лавке с вином.
На крыше появится тень.
Первый стрелок.
Второй.
Женщина у прилавка уронит корзину.
Выстрел.
Стекло разлетится.
Ролланд повернётся.
Слева — ещё движение.
Не крыша.
Окно второго этажа.
Серебро.
Пуля войдёт Ролланду под рёбра.
Алёна увидела, как он падает.
Она рванулась вперёд внутри видения.
Реальность ударила обратно.
Она открыла глаза.
Ролланд держал её за локоть.
— Что?
— Через три минуты.
— Где?
— Двое на крыше. Ещё один в окне второго этажа слева. Я его раньше не знала.
Ролланд мгновенно собрался.
Внешне почти ничего не изменилось; просто исчезла вся лишняя мягкость.
— Мара! Северный ряд очистить. Томас, двоих наверх. Без шума. Бен, окно над аптекой.
Люди вокруг него двинулись.
Алёна посмотрела на мужчину в сером пальто.
Он появился точно по видению.
Ещё две минуты.
— Ролланд.
— Что?
— Не стой здесь.

— Где именно?
— Просто ближе ко мне.
Он посмотрел.
Вопросов не задал.
Сделал шаг.
Женщина уронила корзину.
Яблоки покатались по мокрым доскам.
Первый выстрел прозвучал через секунду.
Стекло винной лавки лопнуло.
Крик.
Люди рванулись в разные стороны.
— На землю! — рявкнул Ролланд.
Второй выстрел.
На крыше сцепились две фигуры.
Алёна искала окно.
Вот.
Человек.
Пистолет.
Ролланд повернулся к шуму справа.
Точно как в видении.
— Ролланд!
Он не услышал.
Она увидела блеск.
Не думала.
Просто толкнула его.
Удар в плечо был таким сильным, что сначала Алёна решила: пуля промахнулась, а её сбил Ролланд.
Потом пришла боль.
Не острая.
Глухая.
Словно в тело вбили раскалённый металлический стержень.
Она упала.
Ролланд поймал её, опустился вместе с ней.
— Эвелин.
— Это не туда.
— Что?
— В видении было в тебя.
Он посмотрел на её плечо.
Алёна тоже.
Кровь быстро пропитывала ткань.
— Прекрасно, — сказала она. — Опять спасла не того.
— Замолчи.
— Ненавижу, когда ты...
— Замолчи.
На этот раз в голосе не было раздражения.
Алёна послушалась.
Вокруг кричали.
Кто-то перевернул прилавок.
Мара появилась рядом.

— Стрелков обезвредили. Один мёртв.
— Лекаря.
— Уже.
Мара увидела кровь.
— Чёрт.
— Серебро, — сказал Ролланд.
— Она человек.
— С даром. Серебро не должно было обжечь её так сильно.
Алёна повернула голову.
— Что значит «не должно было»?
Ролланд не ответил.
На земле рядом с перевёрнутой корзиной лежал мужчина.
Один из нападавших.
Из его кармана вывалилась металлическая пластинка.
На ней был знакомый знак.
Циферблат.
Без стрелок.
Алёна попыталась поднять руку.
— Там.
— Не двигайся.
— Ролланд, там...
— Я вижу.
Он посмотрел туда, куда она указывала.
Его лицо стало жёстче.
— Мара. Забери.
Мара подняла пластинку.
— Что это?
— Потом.
Лекарь подбежал с сумкой.
Ролланд хотел отойти.
Алёна схватила его за рукав.
Не потому, что боялась врача.
Просто в тот момент реальность начала медленно уходить куда-то в сторону.
— Ты жив?
Он посмотрел на неё.
— Да.
— Хорошо.
— Эвелин.
— Что?
— Не закрывай глаза.
— Я не закрываю.
Она закрывала.
Видела его лицо урывками.
В книге Ролланд всегда выглядел красивым в опасные моменты.
Автор особенно любила его «холодную ярость».
Сейчас он был бледным и напуганным.
Это оказалось куда убедительнее.
— Эвелин.
— Я здесь.

— Смотри на меня.

— Смотрю.

Последнее было ложью.

Потом рынок исчез.

* * *

Алёна проснулась ночью.

Сначала не поняла где.

Потолок снова чужой.

Но уже другой.

Тёмное дерево.

На стене горела лампа.

Пахло травами.

Плечо ныло.

Она попробовала пошевелиться.

— Не надо.

Ролланд сидел в кресле у окна.

Алёна моргнула.

— Ты сидишь в темноте?

— Лампа горит.

— У окна темно.

— Очень наблюдательно.

— Значит, не умерла.

— К сожалению для некоторых людей.

— Кого?

— Стрелков.

Она осторожно повернула голову.

— Где я?

— В доме стаи.

— Почему не у себя?

— Потому что лекарь не хотел перевозить тебя после операции.

— Пуля?

— Вынули.

— Серебро?

— Да.

— Почему оно подействовало на меня?

Ролланд молчал.

Алёна вспомнила его фразу.

«Она человек».

«Серебро не должно было обжечь её так сильно».

— Что ты знаешь?

— Пока ничего.

— Ты сказал...

— Я сказал то, что почувствовал.

— Что?

Ролланд встал.

Подошёл.

— Для обычного человека серебро не опаснее любого другого металла. У тебя оно обожгло не только ткань. Такое бывает у наших и у людей, чья кровь слишком тесно связана со старой магией. Я не знаю, что именно с тобой.

Алёна посмотрела на перевязанное плечо.

Эвелин.

В книге она считалась человеком с редким магическим даром.

Никакой крови оборотней.

Никакой скрытой природы.

— Этого не было.

— Где?

Алёна закрыла глаза.

— Нигде.

Ролланд сел на край кресла напротив.

— Ты опять говоришь так, будто сравниваешь происходящее с каким-то текстом.

Она открыла глаза.

— Мне надо подумать.

— У тебя было время.

— Я была без сознания.

— Это не мешало тебе говорить.

— Что я говорила?

— Несколько имён.

Алёна напряглась.

— Каких?

— Мара. Адриан. Гидеон.

— И Алёна.

По позвоночнику прошёл холод.

— Что?

— Ты повторила это имя трижды.

Он смотрел внимательно.

— Кто такая Алёна?

Алёна отвернулась к стене.

— Не сейчас.

— Когда?

— Когда смогу сидеть без ощущения, что плечо пытается меня убить.

— Оно не пытается.

— Спасибо, стало легче.

Ролланд не улыбнулся.

— Ты спасла мне жизнь.

— Возможно.

— Я видел стрелка после выстрела. Пуля шла в меня.

Алёна молчала.

— Зачем?

Она повернула голову.

— Это странный вопрос.

— Мы знакомы два дня.

— Ты бы предпочёл, чтобы я дала тебе умереть?

— Я пытаюсь понять тебя.

— Не рекомендую. Я сама пока не справляюсь.

Впервые за разговор он немного расслабился.

— Спи.

— Не уйдёшь?

Вопрос вырвался до того, как она успела остановиться.

Ролланд посмотрел на неё.
— Нет.
Алёна кивнула.
Закрыла глаза.
На этот раз сон пришёл быстро.

Глава 8. Канон не работает

Утром к ней пришёл не тот человек.

Алёна поняла это ещё до того, как дверь открылась.

По книге после ранения Эвелин должен был лечить доктор Хейл — пожилой оборотень с отвратительным характером и привычкой ругаться на пациентов.

Алёна даже ждала его.

Доктор Хейл был одним из любимых второстепенных персонажей читателей.

В дверь постучали.

Вошёл Гидеон Эшкрофт.

Алёна сразу забыла про доктора.

Отец Ролланда выглядел старше, чем на портрете из приложения, и моложе, чем Алёна ожидала по тексту.

Высокий. Седой. Без бороды. Тёмный костюм сидел идеально.

Он закрыл дверь.

— Мисс Харт.

— Лорд Эшкрофт.

Титул в книге использовался редко, но существовал.

Его взгляд чуть изменился.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете титул?

— Все знают.

— Нет.

Алёна мысленно выругалась.

С Ролландом было то же самое.

Книжное знание казалось общеизвестным, пока не приходилось применять его в мире, где у каждого факта был источник.

— Мне говорили.

— Кто?

— Не помню.

Гидеон подошёл ближе.

— Неубедительно.

— У вас семейная черта?

— Какая?

— Допрашивать больных женщин.

Он посмотрел на неё с неожиданным интересом.

— Ролланд сказал примерно то же самое, только другими словами.

— Наверное, всё-таки семейная.

Гидеон сел.

Не улыбнулся.

— Вы спасли моего сына.

— Да.

— Почему?

— Потому что не хотела, чтобы его застрелили.

— Вы знакомы два дня.

Алёна вздохнула.

— Вы тоже?

— Что?

— Ничего.

Гидеон посмотрел на перевязку.

— Серебряная пуля оставила ожог.

— Мне уже сообщили.

— Вы знали, что так будет?

— Нет.

— Кто ваш отец?

Вот вопрос, на который она знала ответ из книги.

Отец Эвелин умер, когда ей было четыре.

Ричард Харт.

Человек.

— Ричард Харт.

— Я знаю, как его звали.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Я спросил, кто он.

Алёна смотрела.

— Человек.

— Возможно.

— Что значит «возможно»?

Гидеон не ответил.

Его взгляд скользнул к тумбе.

Там лежал медальон Эвелин.

Нора привезла вещи утром.

Серебряный овальный кулон.

Гидеон протянул руку.

Не коснулся.

— Откуда он у вас?

— От матери.

Так было в книге.

Гидеон долго смотрел на медальон.

— Кэтрин.

Алёна почувствовала, как внутри всё собирается в узел.

— Вы её знали.

Он поднял глаза.

Слишком поздно скрывать.

— Давно.

— Насколько?

— Это не разговор для больной комнаты.

— Зато допрос подходит прекрасно.

Гидеон встал.

— Когда поправитесь, поговорим.

— Нет.

Он остановился.

— Моя мать писала ваше имя.

Теперь повернулся полностью.

Алёна поняла, что попала.

Но отступать было поздно.

— Где?

— В письмах.
— Покажите.
— Сначала скажите, что вас связывало.
Гидеон смотрел на неё почти минуту.
— Вы действительно не знаете.
— Если бы знала, не спрашивала бы.
— Раньше знали?
Это был опасный вопрос.
Алёна сжала пальцы под одеялом.
— Не понимаю.
— Последний раз, когда я видел вас ребёнком, Кэтрин сказала, что однажды всё расска-

жет.

Алёна перестала дышать.
— Вы видели Эвелин?
Гидеон нахмурился.
— Что?
Ошибка.
Она поправилась слишком быстро:
— Меня. Вы видели меня.
— Вам было пять.
В книге этого не было.
Вообще.
Ни намёка.
Алёна почувствовала настоящий страх.
Не тот, с которым шла в клуб.
Другой.
Она больше не знала границ истории.
Гидеон шагнул к двери.
— Отдыхайте.
— Что вы знаете о часах без стрелок?
Он остановился.
Только на секунду.
Но этого хватило.
— Ничего.
— Вы лжёте.
— Возможно.
Он открыл дверь.
— Кажется, эта привычка тоже семейная.
И ушёл.

* * *

После обеда пришла Мара.

С корзиной еды и выражением человека, который собирается нарушить все медицинские предписания.

— Ролланд сказал, тебе нужен покой.
— Поэтому ты здесь?
— Разумеется.
Она поставила корзину.
— Я принесла пирог.
— Это поможет пулевой ране?

— Нет. Но делает существование менее бессмысленным.

Алёна решила, что любит её.

Это было неприятно.

Потому что Мара должна умереть.

Через несколько дней.

— Что?

Алёна поняла, что слишком долго смотрит.

— Ничего.

— У тебя такое лицо, будто ты увидела мою смерть.

Слова ударили слишком точно.

Алёна отвернулась.

Мара перестала улыбаться.

— Эвелин.

— Не надо.

— Ты увидела?

— Нет.

— Тогда что?

Алёна не могла сказать.

По книге Мара погибнет через семь дней.

Взрыв кареты.

Переговоры с вампирами.

Ролланд найдёт обломок её кольца.

Эта смерть окончательно убедит его, что мир невозможен.

Алёна знала сцену наизусть.

И впервые чувствовала ненависть к собственному знанию.

Перед ней сидела не «смерть Мары в девятой главе».

Женщина ела холодный пирог руками и чуть кривила рот, потому что начинка была слишком кислая.

— Ты не поедешь на переговоры через неделю.

Мара медленно положила кусок.

— Какие переговоры?

Чёрт.

Они ещё не были назначены публично.

— Будут.

— Ты видела?

— Да.

Это была ложь.

— И что там произойдёт?

Алёна смотрела на неё.

— Ты умрёшь.

Мара не пошевелилась.

За дверью кто-то прошёл.

На улице проехала карета.

Обычный мир продолжал существовать.

— Как?

— Взрыв.

— Где?

— В карете.

— Когда?

— Через семь дней.

Мара выдохнула.

— Хорошо.

Алёна моргнула.

— Хорошо?

— Я не сказала, что рада. Я сказала: хорошо. Значит, теперь знаем.

— Ты не боишься?

Мара посмотрела на неё.

— Боюсь.

Ответ был настолько простым, что Алёна почувствовала стыд за вопрос.

— Но если твоё будущее меняется, — продолжила Мара, — это не приговор.

— Позавчера ночью я спасла курьера. Умер другой человек.

— Значит, будем умнее.

— А если смерть просто перейдёт на кого-то ещё?

— Тогда попробуем спасти и его.

Алёна засмеялась.

Нервно.

— Ты говоришь так легко.

— Нет.

Мара взяла следующий кусок пирога.

— Я просто не хочу провести семь дней, заранее лежа в могиле.

Это была очень живая фраза.

И Алёна решила, что Мара не умрёт.

Даже если для этого придётся сломать весь роман.

Глава 9. Мара должна умереть

Через два дня Алёна уже могла ходить без того, чтобы комната начинала плавать.

Доктор Хейл всё-таки появился.

Опоздал на свою каноничную сцену почти на двое суток и оказался ещё неприятнее, чем в книге.

— Если снова полезете под серебряную пулю, — сказал он, меняя повязку, — я лично верну её обратно.

— Вы врач.

— Именно. Мне надоело чинить то, что вы ломаете.

Алёна улыбнулась.

— Я рада, что вы существуете.

Хейл посмотрел поверх очков.

— Ударилась головой?

— Нет.

— Жаль. Было бы объяснение.

Когда он ушёл, Алёна открыла тетрадь.

На одной странице — события оригинала.

На другой — текущая реальность.

Различий становилось больше.

Виктор жив.

Генри Уорд мёртв.

Ролланд знаком с Эвелин раньше времени.

Мара знает о своей предполагаемой смерти.

Нападение на рынке произошло иначе.

Гидеон знаком с прошлым Эвелин.

Часовой знак появился раньше.

Она обвела последний пункт.

Потом взяла карандаш и написала внизу:

«Основной сюжет: остановить войну».

Рядом:

«Личная цель: вернуться домой».

Ниже:

«До возвращения выяснить, где настоящая Эвелин».

Она смотрела на эту строку дольше.

Потом приписала:

«Мара — не дать умереть».

* * *

Переговоры действительно назначили.

Только не через неделю.

Через пять дней.

Изменение было небольшим, но Алёна уже перестала считать небольшие изменения безопасными.

Мара собиралась ехать на встречу с человеческими посредниками, которые обещали передать условия Ночному Двору.

В оригинале карета взрывалась на Лаймхаус-роуд.

Алёна разложила карту.

— Поедем другой дорогой.

Ролланд стоял у камина.

— Какой?

— Через Уайтчепел.

— Дольше.

— Зато не взорвёмся.

Мара, сидевшая у стола, подняла руку.

— Я за аргумент «не взорвёмся».

Ролланд посмотрел на сестру.

— Ты не едешь.

— Еду.

— Нет.

— Ролланд.

— Мы можем отправить другого дипломата.

— Тогда взорвут другого дипломата.

Алёна кивнула.

— Она права.

— Я не спрашивал.

— Очень жаль.

Ролланд повернулся к ней.

— Ты ранена.

— Я не собираюсь ехать в карете.

— Куда ты собираешься?

— Впереди. Проверю место заранее.

— Одна?

— Нет. С кем-нибудь, кому ты доверяешь.

— Тогда со мной.

Алёна открыла рот.

— У тебя лицо, будто это худший вариант.

— Ты привлекаешь неприятности.

— Последние несколько неприятностей появились до моего прихода.

— Значит, у меня достаточно опыта, чтобы не оставлять тебя разбираться со следующей одной.

Мара переводила взгляд между ними.

— Вы когда-нибудь разговариваете спокойно?

— Да, — сказала Алёна.

— Когда?

Она задумалась.

— Во сне.

Ролланд вздохнул.

* * *

День переговоров был холодным и ясным.

Никакого дождя.

Это тревожило Алёну почти суеверно.

По книге шёл дождь.

Карета Мары должна была выехать в два.

Они изменили маршрут.

Ролланд отправил людей проверять мосты, дома, перекрёстки.

Алёна использовала дар один раз утром.

Ничего.

За пятнадцать минут до выезда — снова.
Увидела карету, поворот, торговца углём, ребёнка у стены.
Никакого взрыва.
— Чисто, — сказала она.
— Уверена? — спросил Ролланд.
— Нет.
Он посмотрел.
— Ты хотела правду.
— Да.
— Вот правда.
Мара вышла из дома.
Сегодня на ней был строгий синий костюм для поездок.
— Я чувствую себя человеком, на похороны которого пришли заранее.
— Не смешно, — сказал Ролланд.
— Мне смешно.
Она обняла брата.
Он сначала застыл, потом обнял в ответ.
Алёна отвернулась.
В книге последнее объятие происходило иначе.
Там Ролланд был зол.
Мара уехала после ссоры.
Потом он всю жизнь помнил, что не попрощался нормально.
Сейчас всё уже изменилось.
Мара подошла к Алёне.
— Если всё-таки взорвусь...
— Не начинай.
— Я хочу сказать.
— Не хочу слушать.
— Тогда передай Адриану Вэйлу, что он мне должен три фунта.
Алёна уставилась.
— Что?
— Долгая история.
— В книге этого не было.
Мара нахмурилась.
— Где?
Алёна застыла.
Ролланд резко повернул голову.
— Опять.
— Я сказала «в книге»?
— Да.
— Чёрт.
Мара посмотрела на брата.
— Она часто так?
— Достаточно.
— Интересно.
— Нет, — сказала Алёна. — Неинтересно. Езжай.
Карета тронулась.
Алёна и Ролланд поехали впереди в другом экипаже.
Первые двадцать минут всё было спокойно.

Маршрут отличался полностью.
Лаймхаус-роуд осталась далеко южнее.
Алёна постепенно начала дышать свободнее.
— Получилось, — сказала она.
Ролланд не ответил.
— Можешь хотя бы сделать вид, что рад.
— Я рад, когда событие закончилось.
— Ты вообще умеешь радоваться заранее?
— Это полезно?
— Иногда.
Экипаж замедлился.
Впереди собралась толпа.
— Что там?
Ролланд открыл окно.
Дым.
Алёна сразу почувствовала.
Сердце провалилось.
— Нет.
Она выскочила раньше, чем экипаж остановился.
— Эвелин!
Ролланд догнал.
За углом горело здание.
Нейтральный госпиталь.
Люди выбегали на улицу.
Окна были выбиты.
Каменная стена обвалилась.
— Что случилось? — рявкнул Ролланд мужчине у входа.
— Взрыв!
Алёна остановилась.
Не карета — другое место, другие люди.
Мара подъехала через минуту.
Живая.
Целая.
Она вышла и посмотрела на госпиталь.
Лицо стало белым.
— Это из-за нас?
Никто не ответил.
Внутри кричал человек.
Ролланд бросился к двери.
Мара следом.
Алёна осталась на улице на секунду дольше.
В книге взрыв убивал одну женщину и кучера.
Теперь горел госпиталь.
Она спасла Мару.
Но цена снова нашлась.
* * *
К вечеру насчитали одиннадцать погибших.
Трое людей.
Четыре оборотня.

Четыре вампира.
Нейтральный госпиталь принимал всех.
Именно поэтому взрыв оказался идеальным.
Каждая сторона могла обвинить другую.
Каждая потеряла своих.
Алёна сидела на ступенях соседнего дома, руки пахли дымом.
Мара опустилась рядом.
Обе молчали.
— Я должна была умереть, — наконец сказала Мара.
— Да.
— Теперь умерли они.
— Не знаю, связано ли.
— Я тоже.
— В книге...
Она остановилась.
Мара повернулась.
— Договори.
Алёна смотрела на улицу.
— Не могу.
— Потому что Ролланд злится?
— Потому что ты решишь, что я сумасшедшая.
— Возможно.
— Очень поддерживает.
— Зато честно.
Они замолчали.
Ролланд вышел из госпиталя.
На рукаве кровь.
Не его.
Он увидел их, подошёл.
— Переговоры отменены.
Мара поднялась.
— Кем?
— Обеими сторонами.
— Тогда они получили, что хотели.
— Кто?
Алёна достала из кармана найденный среди обломков металлический фрагмент.
Циферблат без стрелок.
Положила Ролланду на ладонь.
— Вот это я собираюсь выяснить.
Он посмотрел на знак.
Потом на неё.
— Вместе.
Это не было просьбой.
Но впервые Алёна не стала спорить.
Потому что вокруг госпиталя собирались люди.
И в их лицах уже было видно, как легко один взрыв снова превращается в сто лет войны.

Глава 10. Вампир, который не должен помогать

Адриана Вэйла Алёна искала два дня.

Это было унижительно.

В книге он появлялся всегда вовремя, будто автор держала его за кулисами и выпускала, когда требовалась красивая угроза. В жизни наследник Ночного Двора не обязан был удобно стоять под фонарём в заранее известном переулке.

Первый адрес оказался пуст.

На втором ей объяснили, что лорд Вэйл не принимает людей.

На третьем охранник спросил, кто её пригласил.

— Он сам, — соврала Алёна.

— Когда?

— Недавно.

— В каком виде?

Она не поняла.

— Что?

— Письмом, запиской, через секретаря?

— Устно.

— Где вы встречались?

Алёна устало посмотрела на него.

— Вы правда хотите, чтобы я это придумала прямо при вас?

Охранник оказался невосприимчив к обаянию.

Пришлось уйти.

К вечеру Алёна вернулась домой и нашла Нору на кухне.

Нора чистила картошку.

— Вы ели?

— Это допрос?

— Вопрос.

— Тогда нет.

— Садитесь.

Алёна села.

Последние дни сделали кухню самым нормальным местом в Лондоне. Здесь ничего не взрывалось. Никто не требовал доказать происхождение. Картофель не обладал политическими убеждениями.

Нора поставила перед ней хлеб и сыр.

— Спасибо.

— Вам письмо.

— От кого?

— Не подписано.

Конверт лежал на подоконнике.

Белый.

Без печати.

Внутри — адрес и время.

«Одиннадцать. Сент-Джеймс. Приходите без оборотня».

Ни имени.

Не требовалось.

— Как он узнал?

— Кто?

Алёна спрятала записку.

— Никто.

Нора вздохнула.

— Вы стали намного хуже лгать.

— Раньше было лучше?

— Вы раньше почти не пытались.

Это была ещё одна маленькая деталь Эвелин, о которой книга не рассказывала.

Алёна ела сыр и думала, что однажды придётся сесть с Норой и расспросить обо всём.

Если будет однажды.

* * *

В одиннадцать вечера Сент-Джеймс выглядел почти прилично.

Широкие улицы.

Чистые фасады.

Фонари через равные промежутки.

Вампиры, подумала Алёна, очень любят районы, где грязь убирают до того, как она успеет стать заметной.

Адрес привёл к частному клубу.

На этот раз пароль не понадобился.

Её ждали.

Мужчина у двери проводил в маленькую библиотеку.

Адриан Вэйл стоял у камина.

Алёна узнала его сразу и одновременно не узнала.

В книге Адриан описывался эффектнее Ролланда. Чёрные волосы. Чёрные глаза. Безупречные костюмы. «Лицо человека, который уже простил вам вашу смерть».

Алёна всегда считала последнюю фразу ужасно претенциозной.

Теперь смотрела на живого вампира и думала, что автор просто не смогла нормально его описать.

Адриан был худощавее, чем на иллюстрациях. Кожа — темнее, волосы — короче. Глаза не чёрные, а карие.

И выражение лица человека, которому надоело ждать.

— Мисс Харт.

— Лорд Вэйл.

— Вы искали меня.

— Долго.

— Я знаю.

— И могли позвать раньше.

— Мог.

— Уже не нравиться.

— Какое облегчение.

Алёна села без приглашения.

Адриан посмотрел на кресло, потом на неё.

— Вы ведёте себя иначе, чем мне рассказывали.

— Кто?

— Люди, которые вас знают.

Это насторожило.

— Какие люди?

— В Лондоне мало секретов.

— Очень содержательно.

Адриан налил в бокал что-то тёмное.

— Кровь?
— Вино.
— Жаль.
Он приподнял бровь.
— Вы разочарованы?
— Немного. Вампир, камин, ночь. Я ожидала больше театра.
Адриан сел напротив.
— Вы видели много вампиров?
— Достаточно в плохих книгах.
Фраза вырвалась.
Алёна закрыла рот.
Адриан чуть улыбнулся.
— Интересная привычка.
— Какая?
— Вы постоянно говорите о книгах так, будто они имеют отношение к нашей беседе.
— Ролланд пожаловался?
— Ролланд со мной не разговаривает, если может этого избежать.
— Пока.
— Что?
— Ничего.
Она достала металлический фрагмент из госпиталя.
Положила на стол.
Адриан сразу перестал улыбаться.
— Где нашли?
— На месте взрыва.
— У кого?
— Среди обломков.
Он не коснулся металла.
— Наши нашли такой же знак три недели назад.
Алёна наклонилась вперёд.
— Где?
— На теле женщины, которую Серая Стая обвинила в убийстве двух оборотней.
— Она была вампиром?
— Человеком.
— Под чарами?
— Да.
Вот оно.
Совпадение стало системой.
— И вы никому не сказали?
— Кому? Эшкрофтам?
— Например.
Адриан отпил вина.
— Они нашли бы способ доказать, что знак наш.
— Очень конструктивно.
— Война редко бывает конструктивной.
Алёна помолчала.
— Через пять дней на вас нападут.
Адриан поставил бокал.
— Уже интереснее.

— В оригинале это происходит позже.
Он не пропустил.
— В оригинале чего?
Алёна мысленно ударила себя по лбу.
— В моём... видении.
— Вы видите пять дней вперёд?
— Нет.
— Тогда откуда знаете?
— Не могу сказать.
— Какая неудобная способность.
— Я пытаюсь сохранить вам жизнь.
— И что хотите взамен?
— Информацию.
— Какую?
— Всё, что знаете об этом знаке.
Адриан откинулся.
— Сначала покушение.
Алёна рассказала.
Место.
Время.
Человек с серебряной тростью.
Яд, предназначенный для вампира.
Некоторые детали уже могли измениться.
Она предупредила.
Адриан слушал без вопросов.
— Если этого не произойдёт? — спросил он.
— Буду рада.
— А если произойдёт иначе?
— Тоже возможно.
— Вы плохой пророк.
— Я вообще не пророк.
— Тогда кто?
Алёна посмотрела на него.
— Человек, который знает слишком много и всё меньше понимает, что с этим делать.
Вампир некоторое время молчал.
Потом поднялся.
Из шкафа достал маленькую коробку.
Внутри лежала такая же шестерёнка.
— Нашли три недели назад.
Алёна взяла.
На обороте была буква.
«С».
— У моей есть что-нибудь?
— Нет.
— У фрагмента из госпиталя?
— Тоже нет.
Адриан подошёл ближе.
— Я провёл расследование. Металл изготовлен в Лондоне, но мастерская закрылась пятьдесят два года назад.

— Название?

— «Крейн и сыновья».

Алёна застыла.

Крейн.

Имя ничего ей не говорило.

— Где была мастерская?

— Сити. Здание снесли.

— Полностью?

— Подвал остался.

Он положил на стол ключ.

— Ваш Ролланд уже нашёл вход.

— Ролланд?

— Именно.

Алёна посмотрела на него.

— Откуда вы...

— Я же сказал. В Лондоне мало секретов.

— А вы только что пригласили меня без него.

— Именно.

Адриан сел обратно.

— Вы действительно хотите остановить войну, мисс Харт?

— Да.

— Почему?

Она ожидала политического вопроса.

Ответ пришёл простой.

— Потому что я знаю, чем она заканчивается.

— Чем?

Алёна подумала о последней главе романа.

О мирном договоре.

О Ролланде, живом.

Адриане, уехавшем из Лондона.

Маре, которая до конца оставалась мёртвой.

О сотнях людей, погибших прежде, чем автор разрешила героям понять очевидное.

— Слишком поздно, — сказала она.

Адриан долго смотрел.

— Хороший ответ.

— Ненавижу, когда вы оба говорите одинаково.

— Кто?

— Вы и Ролланд.

— Возьмите свои слова обратно.

Алёна впервые за весь день рассмеялась.

* * *

У выхода Адриан остановил её.

— Ещё одно.

— Что?

— Если Эшкрофт узнает, что вы пришли ко мне одна, он решит, что я вас использовал.

— Я способна объяснить.

— Вы плохо объясняете.

— Уже заметили?

— Все заметили.

Алёна вздохнула.

— Я скажу ему.

Это была ложь.

Она поняла это ещё до того, как вышла на улицу.

Глава 11. Две лжи

Ролланд не спросил, где Алёна была прошлой ночью.
Именно поэтому она не сказала.
Так она объясняла это себе утром.
К обеду объяснение стало звучать хуже.
К вечеру — совсем плохо.
Но возможность признаться исчезла, когда Ролланд сам пришёл с новостью.
— Нашли мастерскую.
Алёна подняла взгляд от писем матери Эвелин.
— Какую?
— С часами.
— Уже?
— Уже.
Она быстро собрала бумаги.
— Где?
— В Сити.
— Я еду.
— Нет.
— Ролланд.
— Ты ещё не восстановилась.
— Я могу ходить.
— Это не критерий здоровья.
— Для меня сейчас да.
Он посмотрел на плечо.
Повязка теперь была меньше. Боль стала тупой и постоянной.
— Хейл разрешил?
— Хейл хочет привязать меня к кровати.
— Разумный человек.
— Я скажу ему, что ты похвалил.
Ролланд подошёл к столу.
Его взгляд остановился на письмах.
— Что это?
— Мамины.
— Нашла что-нибудь?
Алёна помедлила.
— Твоего отца.
— Что?
Она протянула письмо.
Он прочитал.
Лицо не изменилось, но второй раз он перечитал письмо медленнее.
— Гидеон обещал, что они не найдут нас, — повторил он.
— Да.
— Кто «они»?
— Не знаю.
— Ты спрашивала отца?
— Он подтвердил, что знал Кэтрин. Больше почти ничего.
— Почему он не сказал мне?

— Семейная традиция?

Ролланд не оценил.

— Ладно. Мастерская.

— Ты не едешь.

— Еду.

— Эвелин.

— Можешь либо взять меня с собой, либо я приеду отдельно и найду вход по памяти.

Он резко посмотрел.

— По какой памяти?

— Оговорка.

— Нет.

Алёна устала.

От лжи.

От постоянного ощущения, что каждое слово может выдать невозможное.

— Я знаю это место.

— Ты там была?

— Нет.

— Тогда откуда?

Она посмотрела ему в глаза.

Сейчас можно было рассказать.

Всё.

О Москве.

О фонтане.

О книге.

О том, что он был персонажем.

Именно на этой мысли Алёна представила его лицо.

Не поверит.

Или поверит — что хуже.

— По одному старому описанию.

Ролланд чуть прищурился.

— Хорошо.

Слишком легко.

Алёна не поверила.

Но он сменил тему.

— Через час.

* * *

Они поехали вчетвером.

Ролланд.

Алёна.

Мара.

И оборотень по имени Томас Берк, который почти не разговаривал.

В дороге Мара читала отчёт о госпитале.

— Вампиры официально обвинили радикалов стаи.

— А наши? — спросил Ролланд.

— Вампиров.

— Прекрасно.

— Люди обвиняют обе стороны.

Алёна смотрела в окно.

Улицы менялись.

Богатые кварталы уступали более тесным. Потом появились банки, конторы, высокие каменные фасады.

Сити.

Она помнила тоннель из книги.

Но в книге герои попадали туда значительно позже, преследуя убийцу Мары.

Мара сидела напротив.

Живая.

Алёна отвела взгляд.

— Что? — спросила та.

— Ничего.

— Ты всё время смотришь на меня так, будто проверяешь.

— Проверяю.

— Что?

— Что ты здесь.

Мара помолчала.

— Я здесь.

— Знаю.

Ролланд поднял глаза от бумаг.

Он слышал.

Ничего не сказал.

Экипаж остановился у узкой улицы, зажатой между зданиями.

От надземной части мастерской сохранился только фасад.

Вывеска отсутствовала.

Дверь заколотили досками.

Томас сорвал одну.

Алёна стояла рядом.

На кирпиче едва заметно проступал знак.

Часы.

— Здесь, — сказала она.

— Ты знала.

— Да.

— Из описания.

— Да.

Он не спорил.

Именно это заставило нервничать.

Внутри пахло сыростью.

Они спустились по лестнице.

Подвал сохранился почти полностью.

Стол.

Шкафы.

Полки с проржавевшими деталями.

Алёна провела пальцем по деревянной поверхности.

Пыль.

В книге здесь находили письмо.

Она пошла к дальней стене.

— Эвелин.

Остановилась.

— Что?

— Почему туда?

— Там что-то есть.

— Ты видишь?

— Нет.

— Тогда?

Алёна молчала.

Мара подошла.

— У нас нет времени играть.

— Я знаю.

Она коснулась кирпича.

Третий ряд.

Седьмой слева.

В книге Ролланд случайно нажимал на него во время драки.

Алёна нажала.

Щёлкнул механизм, и стена отодвинулась. Несколько секунд никто не говорил. Ролланд смотрел не на открывшийся проход, а на неё.

— Описание?

— Да.

— Очень подробное.

— Ролланд...

— Потом.

Он первым вошёл внутрь.

За стеной был коридор.

Узкий.

Каменный.

Не тот, который Алёна ожидала.

В книге сразу начиналась лестница вниз.

Теперь коридор уходил влево.

— Этого не было, — прошептала она.

Мара услышала.

— Где не было?

Алёна провела рукой по стене.

— Нигде.

Они пошли дальше.

Через двадцать метров обнаружили комнату.

На стене висела карта Лондона.

Вся в красных отметках.

Томас зажёл вторую лампу.

Мара подошла ближе.

— Даты.

Под каждой отметкой был год.

Алёна прочитала несколько.

1826.

1831.

1848.

1853.

Каждая дата совпадала с крупным столкновением в хронике войны.

Она помнила некоторые из приложения.

— Здесь бойня у Тауэра.

Ролланд повернулся.

— Откуда знаешь?
Алёна проигнорировала.
— Вот пожар в Ковент-Гарден. Вот резня в доках.
Мара пробежала глазами по карте.
— Это все наши крупные столкновения.
— Не все, — сказал Ролланд. — Только те, после которых городская магия резко усиливалась.
— Что?
— Лиловые фонари, защитные печати, барьеры. Они питаются магией города. После кровопролития система всегда работает сильнее.
— Почему?
Ролланд подошёл к карте.
— Считалось, что кровь сильных существ насыщает землю.
— Ужасно удобное объяснение для войны.
Мара повернулась.
— Ты думаешь, это связано?
Алёна сняла с карты маленький листок.
На нём таблица.
Две колонки.
Количество погибших.
Уровень магического выброса.
— Это уже не просто догадка.
Она показала.
— Кто-то считал.
В комнате стало тихо.
Томас выругался.
Ролланд взял лист.
— Это нужно отцу.
— И вампирам, — сказала Алёна.
Он посмотрел на неё.
— Нет.
— Да.
— Пока мы не знаем, кто это сделал.
— Именно. Если третья сторона сталкивает вас сто лет, скрывать доказательство от второй стороны — прекрасный способ помочь заговорщикам продолжать.
— Адриан Вэйл наверняка скажет то же самое.
Фраза прозвучала случайно.
Но Алёна замерла.
— Почему Адриан?
Ролланд посмотрел прямо.
— Потому что ты встречалась с ним вчера.
В груди всё неприятно сжалось.
— Ты следил?
— Да.
Мара тихо сказала:
— Ох.
Алёна шагнула к нему.
— Ты поставил за мной слежку?

— После того как выяснилось, что женщина, которую я знаю неполные две недели, предсказывает убийства, знает семейные секреты и находит закрытые проходы? Да.

— Мог спросить.

— Могла сказать.

Они стояли почти вплотную.

— Я собиралась.

— Когда?

— Сегодня.

— Удобно.

— Не смей.

— Что?

— Разговаривать со мной так, будто я тебе принадлежу.

Ролланд отступил.

Сразу.

Это было важнее любых слов.

— Я этого не говорил.

— Но решил, что имеешь право знать, куда я хожу.

— Я решил, что имею право понимать, представляет ли человек рядом со мной угрозу для моей семьи.

— Тогда надо было сказать.

— Как ты сказала про Вэйла?

Алёна открыла рот.

Закрыла.

Мара вмешалась.

— Может, вы отложите развод до того, как мы выйдем из тайного подвала?

Алёна повернулась.

— Мы не...

— Знаю.

Мара подняла руки.

— Очень убедительно.

Ролланд вернулся к карте.

— Забираем документы.

Спор закончился.

Не решился.

И Алёна впервые поняла разницу.

* * *

У выхода из мастерской Ролланд задержался.

Мара и Томас уже были на улице.

— Эвелин.

Алёна не хотела останавливаться.

Остановилась.

— Что?

— Я не буду больше приставлять к тебе людей без твоего ведома.

Она посмотрела.

Не ожидала.

— Хорошо.

— Но если ты собираешься встречаться с человеком, который способен тебя убить, я хочу знать.

— Это просьба или приказ?

— Просьба.

Алёна кивнула.

— Хорошо.

— И ещё.

— Что?

— Вэйл тебе помогает?

— Да.

— Почему?

— Пока потому, что ему тоже не нравится, когда его пытаются убить.

Ролланд чуть скривился.

— Разумно.

— Ненавижу, когда ты признаёшь его разумным.

— Я тоже.

Они вышли.

Алёна не сказала, что Адриан предупредил её именно об этой реакции.

Это была вторая ложь.

Маленькая.

Почти безобидная.

Именно такие, как она уже начинала понимать, потом становились большими.

Глава 12. Чужая жизнь

После мастерской Алёна впервые за несколько дней никуда не пошла.

Не потому, что стала разумнее.

Просто плечо после сырого подвала разболелось так, что даже упрямство перестало помогать.

Хейл пришёл утром.

Снял повязку.

Нахмурился.

— Воспаления нет.

— Вы говорите так, будто разочарованы.

— Я говорю так, будто вы пытаетесь его заработать.

— Очень заботливо.

— Лежите два дня.

— Один.

— Два.

— Полтора.

Доктор затянул новую повязку сильнее, чем требовалось.

— Три.

— Это злоупотребление властью.

— Наконец-то вы научились понимать медицину.

После его ухода Нора принесла чай.

Алёна осталась в спальне.

Сначала лежала.

Потом сидела.

Потом решила, что «лежать» не означает «не читать».

Письма Кэтрин занимали целую коробку.

Алёна разложила их по датам.

Чем старше становилась Эвелин, тем осторожнее писала мать.

В ранних письмах было много обычного.

«Не забудь шарф».

«Тётя Луиза спрашивает, почему ты не ответила».

«Я оставила деньги у миссис Браун».

В более поздних появлялись фразы, которые теперь звучали иначе.

«Если увидишь одно и то же дважды, не доверяй второму».

«Не смотри, когда слышишь часы».

«Гидеон сказал, что север безопасен, но я ему не верю».

«Ты имеешь право не использовать дар».

Алёна остановилась на последней.

В книге Эвелин почти никогда не отказывалась.

Дар был её преимуществом.

Иногда проклятием.

Но прежде всего инструментом сюжета.

Настоящая мать писала дочери так, будто способность могла её уничтожить.

Алёна открыла следующее письмо.

«Эви, я знаю, что ты считаешь пятнадцать минут коротким временем. Поверь, это не так. За пятнадцать минут можно принять решение, о котором потом жалеют всю жизнь. Не позволяй никому убеждать тебя, что чем дальше ты видишь, тем больше сможешь исправить».

Внизу была приписка:
«Твоя бабушка тоже хотела исправить всё».
Алёна перечитала.
Бабушка Эвелин в книге почти не существовала.
Имя упоминалось один раз.
Мэри Харт.
Умерла молодой.
Алёна записала.
Потом открыла шкаф, где хранились документы.
Нашла свидетельство о смерти Кэтрин.
Нашла медицинскую карточку Эвелин.
Нашла договор аренды.
Каждая бумага напоминала: до её появления здесь уже была жизнь.
Она попыталась представить Эвелин.
Не героиню.
Женщину.
Как она утром расчёсывала волосы?
Любила ли чай?
Почему в ящике лежали три непарные серьги?
Откуда скол на чашке?
Почему Нора сказала, что Эвелин раньше меньше разговаривала?
Алёна подошла к зеркалу.
На неё смотрело чужое лицо.
Она уже привыкала.
Это напугало.
— Где ты? — спросила она тихо.
Отражение не ответило.
— Я правда не хотела...
Фраза оборвалась.
Не хотела чего?
Попасть сюда?
Хотела.
Занять её тело?
Нет.
Но желание в фонтане не содержало уточнений.
Алёна села у туалетного столика.
В ящике лежала расчёска с тёмными волосами.
Чужими.
Её.
Эвелин.
Она не знала.
И впервые позволила себе заплакать — тихо, без всякой красивой сдержанности.
От усталости.
От смерти Генри.
От госпиталя.
От того, что Мара жива и это радует, хотя одиннадцать других людей мертвы.
От Ролланда, который оказался сложнее, чем хотелось.
От собственного мира, который она почти не вспоминала последние дни, потому что
здесь было слишком много событий.

Телефон.
Квартира.
Мама, которая должна была позвонить в воскресенье.
Работа.
Что сейчас происходит с её телом там?
Лежит ли оно в кровати?
Исчезло?
Проснулась ли в нём Эвелин?
От этой мысли стало ещё страшнее.
В дверь постучали.
Алёна быстро вытерла лицо.
— Войдите.
Ролланд.
Разумеется.
Она отвернулась к письмам.
— Ты сегодня без слежки?
— По крайней мере видимой.
— Шутка.
— Ужасная.
— Мара сказала, мне нужно практиковаться.
— Не слушай Мару.
Он подошёл.
На столе увидел письма.
— Нашла ещё?
— Много.
— Что-то про отца?
— Немного.
Ролланд взял один лист.
Прочитал.
Алёна смотрела на его руки.
— Ты плакала.
Она напряглась.
— Нет.
— Я чувствую запах слёз.
— Это отвратительная способность.
— Иногда.
Он не стал спрашивать почему.
Просто вернул письмо.
— Тебе принести воды?
Алёна удивлённо посмотрела.
— Что?
— Воды.
— Нет.
— Еды?
— Нора меня кормит.
— Хорошо.
Он сел в кресло.
Алёна ждала.
— Ты зачем пришёл?

— Не знаю.
— Очень содержательно.
— Хотел проверить, как плечо.
— Проверил.
— Да.

Он не уходил.

Она тоже ничего не говорила.

За окном моросил дождь.

В камине потрескивало дерево.

Это была первая сцена между ними, где никто никого не допрашивал, не спасал и не пытался соблазнить.

Алёна не знала, что с ней делать.

— Я скучаю по дому, — сказала она вдруг.

Ролланд повернул голову.

— По какому?

Вопрос был опасным.

Но прозвучал без подозрения.

— По своему.

— Ты не здесь родилась?

Алёна смотрела в огонь.

— Очень далеко.

— Ирландия?

Она невольно улыбнулась.

— Ещё дальше.

— Континент?

— Намного.

Ролланд помолчал.

— Тогда почему приехала?

Алёна ответила почти честно.

— Загадала желание.

Он усмехнулся.

— Неудачное?

Она посмотрела на него.

— Пока не решила.

Улыбка исчезла, но не потому, что обиделся.

— Если захочешь рассказать — расскажешь.

Алёна кивнула.

Он поднялся.

У двери остановился.

— И да.

— Что?

— Я не говорил отцу про имя «Алёна».

Она замерла.

— Почему?

— Потому что не всё, что я знаю, принадлежит стае.

После его ухода Алёна ещё долго смотрела на дверь.

Это был маленький поступок.

Ничего эффектного.

Но почему-то именно он оказался первым, после которого ей захотелось доверять Ролланду больше, чем следовало.

Глава 13. Совет стаи

Совет назначили на полдень.

Ролланд сообщил об этом за завтраком так, будто речь шла о визите портного.

— Отец хочет тебя видеть.

Алёна отложила ложку.

Она всё ещё жила у себя, но после ранения Ролланд приобрёл раздражающую привычку появляться без предупреждения. Нора перестала удивляться на третий раз.

— Он меня уже видел.

— Не отец. Совет.

— Какой совет?

— Старейшины стаи.

— Нет.

Ролланд поднял чашку.

— Это не приглашение.

— Тогда тем более нет.

— Они обсуждают тебя.

— Пусть обсуждают без меня.

— Хотят понять, почему наследник Серой Стаи меняет военные решения по словам человеческой женщины, с которой знаком меньше двух недель.

Алёна посмотрела на след укуса в зеркале над камином.

Почти исчез.

Но для оборотней запах, видимо, сохранялся дольше.

— А.

— Да.

— Из-за этого?

— Не только.

— Но и из-за этого.

Ролланд не ответил.

— Прекрасно. Переспала один раз и уже политический кризис.

Нора у буфета выронила ложку.

Алёна медленно повернула голову.

Нора смотрела в стену.

— Извини.

— Ничего, мисс.

Ролланд, к её раздражению, улыбнулся.

— Рад, что тебе весело.

— Очень.

Алёна встала.

Плечо потянуло.

Она поморщилась.

Ролланд заметил.

— Хейл сказал...

— Если ты сейчас процитируешь Хейла, я передумаю ехать.

Он замолчал.

— Отлично. Что надеть на суд надо мной?

— Это не суд.

— Тогда они не знают, как я собираюсь себя вести.

* * *

Совет проходил в старом здании возле Риджентс-парка.

Алёна ожидала полутёмный зал, каменные стены и волчьи шкуры. Это было бы слишком удобно.

Вместо этого её привели в светлую овальную комнату с высоким потолком и окнами почти до пола. За длинным столом сидели девять человек.

Четыре женщины.

Пять мужчин.

Гидеон во главе.

Ролланд занял место справа от него.

Алёне стул не предложили.

Она решила, что это намеренно.

— Мисс Харт, — начал пожилой мужчина с седыми бакенбардами, — вы знаете, зачем вас пригласили?

— Господин Эшкрофт сказал, что вы обсуждаете меня.

— Лорд Эшкрофт, — поправила женщина слева.

Алёна посмотрела на Ролланда.

Он едва заметен качнул головой: не спорь о ерунде.

Разумно.

Неприятно.

— Хорошо. Лорд Эшкрофт сообщил, что вы обсуждаете меня.

— Вы человек.

— В основном, как выяснилось.

По комнате прошёл шорох.

Гидеон посмотрел внимательнее.

— Что это значит?

Алёна коснулась плеча.

— Серебро обожгло меня так, как, по словам вашего лекаря, не должно было.

Ролланд явно не рассказывал отцу об этом.

Хорошо.

Ещё один маленький выбор в её пользу.

— Мы вернёмся к этому позже, — сказал мужчина с бакенбардами. — Нас интересует другое. Вы оказываете влияние на наследника.

Алёна подождала.

— И?

— Вы признаёте?

— Что разговариваю с ним? Да.

— Что он изменил маршрут дипломатической миссии по вашему требованию?

— Да.

— В результате был уничтожен нейтральный госпиталь.

Вот оно.

Алёна почувствовала, как хочется защищаться.

Сказать, что иначе погибла бы Мара.

Что она не закладывала бомбу.

Что никто не мог знать.

Но это было бы слишком просто.

— Да, — сказала она.

За столом стало тише.

Ролланд повернул голову.

— Вы признаёте ответственность? — спросила женщина.

— За решение изменить маршрут — частично. За взрыв — нет. Если хотите обвинить меня, сначала докажите, что люди, заложившие бомбу, действовали из-за нашего изменения, а не планировали несколько целей.

— Удобно.

— Нет. Удобно было бы сказать, что я ни при чём.

Мужчина в дальнем конце стола наклонился.

— Почему вы вообще знали о нападении?

— У меня есть дар.

— Пятнадцать минут.

— Да.

— До взрыва было больше.

Алёна молчала.

Гидеон тоже.

Он уже знал, что её сведения выходят за пределы дара.

— Некоторые вещи я знаю другим способом.

— Каким?

— Пока не могу раскрыть.

— Тогда вы ожидаете, что Совет будет доверять женщине, которая скрывает источник информации?

— Нет.

Ответ выбил их из ритма.

Алёна продолжила:

— Я ожидаю, что вы будете проверять информацию. Это нормальнее, чем доверять мне.

Ролланд опустил взгляд.

Кажется, чтобы скрыть улыбку.

— Вы говорите дерзко, мисс Харт.

— Мне задают неприятные вопросы.

— Совет имеет право...

— Совет имеет право защищать стаю. Я не спору. Но если ваша цель — доказать, что Ролланд слишком глуп, чтобы принимать решения сам, зачем я здесь?

Вот теперь Ролланд посмотрел прямо на неё.

Гидеон медленно сцепил пальцы.

— Осторожнее, — сказал старейшина.

— Я осторожна. Вы говорите, что я влияю на него. Это означает одно из двух. Либо вы считаете его слабым, либо меня настолько убедительной, что девять опытных политиков должны мной заниматься.

Мара, сидевшая у стены как наблюдатель, кашлянула.

Женщина слева спросила:

— Чего вы хотите?

Это был правильный вопрос.

Алёна подошла к столу.

Положила копию карты из мастерской.

Потом таблицу магических выбросов.

Потом шестерёнку.

— Чтобы вы перестали смотреть на меня и посмотрели на это.

Несколько человек подались ближе.

— Три нападения, — сказала Алёна. — Курьер вампиров. Рынок оборотней. Нейтральный госпиталь. Во всех случаях обнаружен этот знак. На рынке часть нападавших была людьми

под чарами. В госпитале погибли представители обеих рас. В старой мастерской мы нашли записи о крупнейших столкновениях за сто лет.

— Мы? — спросил старейшина.

— Я, Ролланд, Мара и Томас Берк.

— Эта операция не была одобрена Советом.

Ролланд вмешался впервые:

— Она не требовала одобрения.

— Всё, что касается старых архивов...

— Моя зона ответственности.

Гидеон поднял руку.

Спор стих.

Алёна показала таблицу.

— Кто-то десятилетиями сопоставлял число погибших с магическими выбросами Лондона. Не знаю кто. Не знаю зачем. Но если вам сейчас важнее, с кем спит ваш наследник, чем то, что кто-то, возможно, управляет войной, у нас разные представления о приоритетах.

На последних словах человек справа от Гидеона резко посмотрел на шестерёнку.

Не на Алёну.

На знак.

Страх.

Мгновенный.

Но она заметила.

— Вы его знаете?

Он поднял глаза.

— Что?

— Символ.

— Нет.

— Вы испугались.

— Мисс Харт.

— Как вас зовут?

— Бернارد Кросс.

Алёна запомнила.

— Вы знаете этот знак.

— Нет.

Гидеон произнёс:

— Бернارد.

Старейшина побледнел.

— Я видел его в старых записях.

— Каких? — спросил Ролланд.

— До моего времени. У моего деда.

— Что он означает?

Кросс провёл ладонью по лицу.

— Часовщики.

Слово ничего не сказало Алёне.

И судя по реакции Мары, ей тоже.

Но Гидеон закрыл глаза.

Только на секунду.

Этого хватило.

Ролланд увидел.

— Отец.

Гидеон открыл глаза.
— Не здесь.
Алёна почти рассмеялась.
— У вас вся семья разговаривает одинаково.
Никто не оценил.
Совет закончился через двадцать минут.
Не обвинением.
Не оправданием.
Алёна получила временный доступ к архивам Серой Стаи под наблюдением.
И несколько новых врагов.
У двери Ролланд догнал её.
— Эвелин.
— Что?
— Спасибо.
Она остановилась.
— За что?
— За то, что не защищала меня.
Алёна поняла.
Она не говорила: Ролланд ни при чём.
Она заставила их признать, что он сам принимает решения.
— Я не думаю, что тебе нужна защита на совете.
— Именно.
— Но в переулке с серебряной пулей была нужна.
Он смотрел спокойно.
Алёна закатила глаза.
— Не портить момент.

Глава 14. Элиас Грей

Архив Серой Стаи находился под старой библиотекой.

В буквальном смысле под.

Нора собрала Алёне еду на весь день, потому что, по её словам, «вы забываете о существовании обеда, когда находите бумажки».

Алёна хотела возразить.

Потом вспомнила собственную работу редактором.

Не стала.

К полудню она сидела между двумя стопками журналов и начинала подозревать, что войну можно было остановить сто лет назад простым запретом на плохой почерк.

— Кто писал это?

— Лорд Малькольм Эшкрофт.

— Он ненавидел гласные?

Мара заглянула через плечо.

— Возможно.

— Здесь написано «встретились у моста» или «встретились у места»?

— «У моста».

— Откуда знаешь?

— Я выросла с семейными письмами.

Алёна отложила страницу.

Они искали первое упоминание Часовщиков.

Бернард Кросс рассказал немного.

Якобы в начале войны существовала человеческая группа посредников, которые называли себя хранителями времени. Позже название исчезло.

Гидеон отказался говорить больше.

Ролланд после этого почти сутки не разговаривал с отцом.

— Нашла, — сказала Мара.

Она вытащила книгу из нижней полки.

«Крейн».

Алёна подошла.

Запись датировалась первым годом войны.

«Томас Крейн, человеческий свидетель переговоров, прибыл...»

Дальше страница была вырвана.

— Конечно.

— Что?

— Ненавижу вырванные страницы.

— Почему?

— Потому что это слишком удобно.

Мара посмотрела странно.

— Для кого?

— Неважно.

Из-за двери слышались шаги.

Вошёл незнакомый мужчина.

Высокий, худой, лет тридцати пяти. Светлые волосы аккуратно зачёсаны. Под мышкой папка.

— Леди Эшкрофт.

— Мистер Грей.

Элиас Грей.

В книге второстепенный архивист.

Помогал Эвелин найти старый договор.

Исчезал примерно после двух третей сюжета.

В финале упоминался одной строкой: «Элиас Грей покинул Лондон».

Алёна никогда о нём особенно не думала.

Вот он.

Живой.

— Мисс Харт, — сказал Элиас.

— Вы меня знаете?

— О вас сейчас знает половина города.

— Надеюсь, вторая половина занята.

Он улыбнулся.

— Королевский архив направил меня помочь Совету с документами о довоенных соглашениях.

Мара кивнула.

— Очень вовремя.

— Обычно меня вызывают, когда уже поздно.

Элиас положил папку.

— Что ищете?

Алёна показала запись о Крейне.

— Томаса Крейна.

Улыбка не исчезла.

Но что-то изменилось.

— Интересное имя.

— Знаете?

— Основатель известной часовой мастерской.

— И свидетель начала войны.

— Возможно.

— Здесь написано.

— Значит, возможно.

Алёна сразу его невзлюбила.

Не сильно.

На уровне профессиональной раздражительности.

Человек отвечал так, будто каждое слово заранее проходило юридическую проверку.

— У вас есть другие документы?

— Несколько.

Он раскрыл папку.

Работали втроём.

Элиас действительно оказался полезным.

Он знал старые системы датировки.

Читал почерк Малькольма.

Помнил, какие документы могли храниться не в архиве стаи, а в городском магистрате.

Через час Алёна поймала себя на мысли, что без него они продвинулись бы вдвое медленнее.

И именно это насторожило.

Слишком удобно.

Она одёрнула себя.

Не каждый полезный человек злодей.

В романе вообще была дурная привычка подозревать Адриана, потому что он красиво входил в комнаты.

Алёна решила не делать то же самое с Элиасом.

— Здесь, — сказал он.

Запись.

За три дня до первой бойни.

«Крейн запросил встречу с представителями обоих домов и предупредил о нестабильности городского контура».

— Какого контура? — спросила Мара.

Элиас пожал плечами.

— Возможно, речь о защитных печатях.

— Они существовали до войны?

— Часть — да.

Алёна наклонилась.

— Городская магия питалась чем?

— Всем понемногу: людьми, землёй, магическими существами.

— Кровью?

Элиас посмотрел на неё.

— Иногда.

— После начала войны выбросы усилились.

— Логично.

— Почему?

— Смерть высвобождает магию.

— Очень удобно.

— Вы уже говорили это слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.